

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ

ПОЦЕЛУЕВ МОСТ

РОМАНЫ О ВРЕМЕНИ И ЛЮБВИ

Романы и сборники малой прозы

Галина Врублевская

Поцелуев мост

«Автор»

Врублевская Г. В.

Поцелуев мост / Г. В. Врублевская — «Автор», — (Романы и сборники малой прозы)

ISBN 978-5-9524-2654-2

Елена возвращается в родной Питер из Лондона – состоятельная женщина, красивая, уверенная в себе. Только старые друзья знают, как больно ударила Елену жизнь несколько лет назад. Нет, теперь она не даст себя в обиду! Вот только... ее деловым партнером становится человек, встречи с которым она боялась больше всего. Неужели прошлое вернется – боль, ревность, козни его бывшей жены, интриги молодой супруги? Или Елена стала наконец хозяйкой своей судьбы и своего сердца?

ISBN 978-5-9524-2654-2

© Врублевская Г. В.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Галина Врублевская

Поцелуев мост

Глава 1

Я проснулась и не сразу поняла, где нахожусь ¹. Я увидела себя на матрасе, постланном прямо на полу в просторной, но незнакомой комнате. Мебель в ней отсутствовала, а за окном светился линияло-голубой прямоугольник неба. В следующий момент память вернулась ко мне. Это было мое первое утро в моей новой квартире. После нескольких лет жизни за границей, в Лондоне, я вернулась домой в Россию.

Семь лет назад, когда меня увозили на лечение в Англию, я с трудом могла двигать руками и держать прямо голову – последствия перенесенного мною клещевого энцефалита. Но тамошняя медицина совершила чудо. Микрочип, вживленный мне в затылок, заставил работать ослабленные мышцы. Мне вернули здоровье, но я прежняя исчезла. Побывав на границе между жизнью и смертью, я поняла, как хрупка жизнь. Краски окружающего мира стали для меня ярче, разнообразнее. То, что раньше оставляло равнодушной, стало ценным и дорогим. Зато многие переживания потеряли свою остроту, притупились.

Сколько лет сердце мое чуть не выскакивало из груди при одном лишь имени Игорь! Теперь оно выплело в памяти, как старая фотография. Лишь в ненастные дни своей жизни, перелистывая страницы воспоминаний, я натыкаюсь на расплывчатую тень его образа. Хотя мне известно, Игорь жив, здоров и вполне благополучен.

Он долго был для меня идеалом мужчины, однако... Кто сталкивался с предательством любимого, тот поймет. Я казнила свою любовь к этому человеку. Хотя иногда мне кажется, что она уцелела и свернулась незаметным клубком в неведомых мне закоулках. Своя душа – самые непроходимые потемки.

Сейчас сердце мое саднит: недавно я потеряла мужа, Олега Нечаева. Наша совместная жизнь оказалась так коротка! Пусть я не любила его, но он был для меня лучшим в мире другом. И теперь, когда Олега не стало, я мысленно обращаюсь к нему за советом, делюсь маленькими радостями и бедами. Он был со мною рядом в самые трудные дни, сделал невозможное – нашел лучших врачей, вернувших меня к полноценной жизни. Но плата за мое выздоровление оказалась слишком высока. Он погиб в автокатастрофе, как только наша жизнь стала налаживаться.

Олег как бы обменял свою жизнь на мою. И всем, чем я обладаю сейчас, я обязана ему. Он оставил мне такое состояние, каким я поначалу не представляла, как распорядиться.

Есть люди, стремящиеся к богатству. Я же никогда не помышляла о больших деньгах. Деньги для меня, поверьте, большая обуза. Чтобы прокормиться и одеться, хватило бы и сотой доли того, что я теперь имею. А что прикажете делать с остальным богатством?

Я поднялась с матрасика, накинула халат и бесцельно побрела по пустым комнатам. Их три в моей квартире, и все для меня одной. Светлые, будто выбеленный лен, обои еще пахли клеем, а новенькие, янтарного цвета двери источали аромат сосны. И обои, и двери, и квадраты подвесного потолка с встроенными светильниками, и блестящая никелем, кафелем и стеклом ванная комната – все отделано под присмотром Гальчика, моей помощницы. Гальчик приле-

¹ О событиях этой книги повествует героиня романа Галины Врублевской «Половина любви».

тела из Лондона тремя месяцами раньше. А в одной из комнат лежала грудa нераспакованных картонных коробок – мой багаж, привезенный из Англии. В квартире не было лишь мебели. Мне предстояли довольно приятные хлопоты по обустройству своего нового жилья. Однако на подоконнике на кухне стоял электрический чайник и накрытый салфеткой поднос с легким завтраком. Я откинула салфетку, посмотрела на горку сухих мюсли на тарелочке и чашку молока, мысленно поблагодарила Гальчика за заботу и отошла в сторону – есть мне пока не хотелось.

Я не знала, за что взяться. Лондонские картинки и впечатления от встречи с Петербургом кружились в моей голове пестрым хороводом. Я открыла балконную дверь – хорошо иметь квартиру на последнем этаже – и будто взлетела над городом. Мой маленький балкончик, как нос корабля, плыл в небесном океане. Бледное утро – прозрачный ребенок белой петербургской ночи – начинало наливаться слабым румянцем. Улицы еще были пустынные, а окна домов казались безжизненными – никто в эту июньскую светлую рань не включал свет. Одинокiй прохожий миновал Поцелуев мост, но автомобили не спешили нарушить тишину. Не было, разумеется, и целующихся влюбленных на мосту. Спящая река Мойка чуть вздрагивала от бликов светлого неба, и казалось, прямо по ней, вдали, навстречу моему взгляду, скользит громада Исаакиевского собора.

Никогда прежде из моих окон не открывался такой волшебный вид, даже когда я жила в доме в тридцати метрах от Исаакия. Чтобы наслаждаться красотой, надо от нее отдалиться. Теперь у меня не было ни мыслей, ни чувств, ни ощущений. Освежающий ветерок тоже стал мною и прекратил ощущаться моим телом. Йоги называют это состояние нирваной.

Однако наслаждалась я покоем недолго. Утреннюю тишину надломил прерываемый хрипами радиоприемника низкий голос исполнительницы народных песен. Я вздрогнула от неожиданности: песня вырвалась, повидимому, из открытого окна под моим балконом. Стоны «Ямщик, не гони лошадей, мне некуда больше спешить, мне некого больше любить» были бы созвучны моему настроению, если бы не чрезмерная его громкость. Вскоре запах крепких мужских папирос потянулся из подозреваемого окна в мою сторону. Преодолевая неловкость, я решила попенять возмутителям спокойствия:

– Уважаемые соседи, будьте добры, приглушите вашу музыку! Семь утра, имейте совесть!

Магнитофон тотчас выключили, и снова стало тихо. Я обрадовалась легкой победе и решила еще постоять на балконе, подышать свежим воздухом, но свежести в нем уже не было. Облака табачного дыма со всех сторон карабкались на мой балкон. Я юркнула в квартиру, плотно закрыв балконную дверь.

В комнату я вошла вовремя. Телефонная трель гулко разливалась по пустой квартире. Кто это в такую рань? Сплошное беспокойство! Как сказывает в таких случаях моя ясновидящая подруга Татьяна, первое событие дня влечет за собой похожие на себя. Я взяла трубку. Звонила Татьяна, легка на помине. Она с уверенностью заявила, будто чувствовала, что я уже не сплю, и, желая предвосхитить мои планы, предлагает сегодняшний день провести вместе.

С Татьяной мы знакомы сто лет. В детстве росли рядом, в одной коммунальной квартире. Когда выросли, отделились друг от друга, слишком мы оказались разными. Она энергичная, самонадеянная, любит командовать людьми и судить их. Я же вечно сомневаюсь, в своих бедах виню себя, а не других. Но Татьяна стала несколько лет назад женой моего брата, моей родственницей, и наши отношения возобновились. Вообще-то человек она беззлобный и ко мне хорошо относится. Все годы моего пребывания за границей мы поддерживали с ней связь – переписывались, перезванивались. Татьяна, медсестра и ворожея одновременно, считала своим долгом наставлять меня по жизни. Вчера она в скромной группке встречающих промелькнула в аэропорту, но поговорить толком нам не удалось. Таня торопилась домой. Татьяна, наряду со сверхъестественными способностями, обладала и вполне земными, деловыми каче-

ствами. Именно она помогла Гальчику подыскать квартиру, за что я еще не успела ее поблагодарить. Так что я не рассердилась за ранний звонок.

– С удовольствием с тобой встречусь, Танечка. Приезжай. Сегодня у меня день отдыха, а уж с завтрашнего дня я начну планировать свои дела. Нам с Гальчиком надо квартиру обставить, потом, не мешкая, о галерее подумать. А сегодня я в каком-то полусне: и квартира еще кажется чужой, и бодрости привычной нет. Наверное, разница в часовых поясах сказывается. И потом, я отвыкла, когда за окном всю ночь светло.

– Июнь. Белые ночи, что ж ты хочешь.

– А я о чем? Утром вышла на балкончик. Красота. Золотые купола Исаакия в белой дымке – чудо. Спасибо, Таня, что ты Гальчика на этот район вывела, она же города не знает. Тут замечательно тихий, уютный уголок... – Я запнулась на полуслове, вспомнив утреннего меломана, и грустно добавила: – Правда, соседи, не ахти. Да ладно, не будем о них.

– А что соседи? Я лестницу смотрела: вид приличный, не наплевано, не загажено. В чем дело?

– Нет, ничего. Это я так, еще не привыкла. А квартира замечательная!

– Я рада, что квартира тебе подошла. Кстати, это не только моя заслуга. Игорь Князев узнал, что мы ищем для тебя квартиру, и помог. Ты же помнишь, он свой бизнес с квартирных сделок начинал?

Снова Игорь! Но ведь он превратился для меня в блеклую фотографию. Хотя... как-никак, первая любовь, и длилась она почти двадцать лет. Годы пустых грез и краткий миг перед моей болезнью – несколько месяцев реального, безоблачного счастья. В эти лучезарные месяцы мы любили друг друга горячо, как Ромео и Джульетта, хотя уже годились им в родители. Однако на пике своего восторга я тяжело заболела, Игорь увлекся другой женщиной, юной и здоровой. Но разве можно мужчину судить за это и считать его поступок предательством? Красота и молодость всегда правы! Я пыталась оправдать Игоря. Он помог мне днями и поддержал в первые месяцы болезни – тоже немало, когда ты беспомощна. Я простила его, но когда воскресла после болезни, то обнаружила, что любовь моя умерла. Но хотя и так, отношение у меня к ней особенное: она будто в мавзолее, как Ленин, лежит. Я понимаю, что такой силы любовь уже не вспыхнет во мне. Я ничего не хочу вернуть, оживить, возродить, но и забыть мое чувство (а следовательно, Игоря) не могу.

– Игорь? Надеюсь, это его не очень обременило.

– Ты все еще его любишь?

Татьяна всегда норовит выведать мои тайные чувства, но я знаю, как опасно раскрывать душу знакомым. Легче случайному попутчику в поезде довериться или рассказать свою историю писателю. Тот несколько маскирующих штрихов добавит, и родная мать не узнает. Так что я десять раз подумаю, прежде чем с подружкой откровенничать. Я ответила нейтрально:

– Мы остались друзьями.

– Тогда почему я слышу обиду в твоём голосе?

– Оставим Игоря, Таня. Скажи лучше, как ты поживаешь?

– У меня, Елена, большая неприятность...

– Что случилось? Сын заболел? Шурик на сторону смотрит?

Шурик Святенко – мой сводный брат по отцу. Узнали друг о друге мы довольно поздно, когда уже после института оказались в одной научно-исследовательской организации. И хотя он старше меня, смотрелся неприспособленным, инфантильным, так что мне пришлось взять над ним шефство. Я свела его с Татьяной, и они поженились. Для каждого это был едва ли не последний шанс. Мне казалось, что у них неплохая семья. Их сыну Павлику, моему племяннику, нынче шел уже девятый год. Мальчик умненький, я его последний раз полгода назад видела. Умом в отца пошел, но гораздо практичнее, – тут уж влияние Татьяны. Шурик, Шурик!

Неужели «седина в бороду, бес в ребро»? Возможно ли, что он, не знавший до Татьяны (а с ней он сошелся почти в сорок лет) иной женщины, пустился во все тяжкие?

– Нет, дома, слава богу, все в порядке! С работой беда. Вероника меня гонит из фирмы. Говорит, мое ведьмовство ей поперек горла.

Вероника, нынешняя жена Игоря. Она врач по специальности и возглавляет одну из «дочек» холдинга мужа. Эта фирмочка продает населению разные лечебные электроприборы. Татьяна демонстрирует эти штуки в действии.

– А при чем здесь ведьмовство? Ты же с приборами работаешь?

– Лена, я тебе повторяю в тысячный раз. Одними приборами ничего не вылечишь. Пока порчу с человека не снимешь, он будет болеть. Я и предлагаю клиентам, за дополнительную плату, поработать с их аурой и кармой.

– И Веронике это не нравится?

– Она всегда всем недовольна. Так вот, будь добра, Лена, составь мне компанию к блаженной Ксении!

– К кому?

– На Смоленском кладбище теперь открыта могила и часовенка этой святой. Кто придет туда, поставит свечку, загадает желание, у того оно и сбудется. Кто квартиру попросит, кто экзамен не может сдать, кому здоровье требуется... Мне с Вероникой собственными силами не совладать, хочу молить святую Ксению внушить Веронике благоразумие, чтобы та оставила меня в покое. Где я сейчас другую работу найду? Сама понимаешь, мне светит только районная поликлиника, а это уж край по нынешним временам.

Такие, выходит, теперь веяния в Петербурге. Народ уже не надеется на себя, на власти, на врачей, а поклоняется святой и просит ее о милости. Жаль, у меня нет никаких желаний. Но я готова составить Татьяне компанию, прогуляться на кладбище.

– Что ж. Это любопытно, поехали к твоей Ксении.

Мы договорились встретиться у метро «Василеостровская». Там неподалеку Смоленское кладбище, где покоятся бранные останки святой Ксении. От моего дома до этого места – несколько остановок на трамвае. У меня еще было время не торопясь одеться и привести себя в божеский вид. Движения моих ослабленных болезнью рук были еще замедленны. Так что часа два у меня на сборы уйдет, учитывая, что все запаковано в коробках и надо искать, что где лежит.

Едва я разворошила первую коробку, как услышала скрежет в дверном замке. Я настороженно повернулась к двери. Через секунду дверь распахнулась и в квартиру, стуча каблучками, влетела Гальчик.

– Извините, Елена, я своими ключами воспользовалась, сегодня отдам их вам. Но дело совершенно срочное, мы должны в двенадцать быть на другом конце города. У нас сегодня важная встреча!

– Какая встреча, с кем? И неужели нельзя сначала позвонить? У тебя телефон всегда в сумочке теперь! Сколько, девочка моя, я тебя учу, и все не впрок!

– Елена, я полчаса дозванивалась на ваш домашний телефон, а хэнди вы, как всегда, выключили!

Я виновато пожала плечами. Да, я не люблю, когда меня достают по мобильнику, и часто выключаю его. Но, все равно, к чему такая спешка! Гальчик, несмотря на юный возраст, стала прямо-таки моим тираном. И я позволяю тиранить себя, поскольку сама в практических вопросах не сильна.

Гальчик появилась в моем доме в Англии, когда я только-только вышла из госпиталя. Даже по улице я ходила с трудом, рискуя попасть под машину. Левостороннее движение и здорового русского человека сбивает с толку, а я тогда только свыкалась с вживленным микрочипом. И еще не вполне освоилась с новым для себя способом управления собственными мышцами. И в этот нелегкий период адаптации Гальчик стала моей помощницей в быту и компаньонкой по досугу. В Англии такой вид услуги принят издавна. Гальчика нашел и привел ко мне Олег Нечаев, мой покойный муж.

Галину Зайцеву никто не звал по имени. Гальчик! В тот год, когда она появилась в моей жизни, было ей чуть за двадцать. Сейчас ближе к тридцати. Она казалась подвижным, задиристым подростком: коротко стриженные, под мальчика, темные волосы, худощавая фигурка, игривый взгляд – этаким Гаврош, юный герой французских баррикад. Она легко подхватывала направление моды, и то, что носила в данный сезон молодежь, мгновенно появлялось на ней. Долгополые свисающие с плеч вязанные кофты сменяли эффектные, с мягким отливом кожаные пиджаки, и вновь возвращались привычные джинсы и короткие яркие топики. И непременно – блестящие металлические заколки, пряжки, цепочки, булавки.

Гальчик попала в Англию не случайно. Она родилась и выросла в Москве, но родители ее считались лимитчиками. Сейчас бы их назвали гастарбайтерами. Они воспитывали дочь так, как принято у них в деревне, – строго, но неумело.

Гальчик кончила педагогический колледж, получила диплом учителя начальных классов, но в школу работать не пошла – не те деньги.

Между тем время в стране было сумбурное, возможности легкого заработка открывались на каждом шагу. Сообразительная девочка скоро прибилась к группе себе подобных. Она потом призналась о своем занятии. В составе бригады лохотронщиков Гальчик отлавливала у метро простаков, втюхивая им липовые выигрыши и призы от несуществующих компаний.

На вопрос, не жалко ли обманутых людей, Гальчик только пожимала плечами. Она не считала себя обманщицей, поскольку работала не в одиночку. Объясняла, что если строго судить, то все кругом обманщики: и продавцы, и рекламщики, и политики – кто из них говорит правду?

Возможно, такой взгляд на жизнь у нее от родителей. Жизнь в столице обманула их ожидания. К тому же они потеряли свою трудную, но привычную работу на заводе и были вынуждены, как большинство безработных, торговать на рынке. А там царил известный закон: не обманешь – не продашь. Деятельность дочери не вызвала у них протеста. Они лишь предостерегали, чтобы не зарывалась, была осторожней. Но из-за отсутствия нужных законов мелкие мошенники в то время отделялись легкими штрафами, так что Гальчик «со товарищи» благополучно продолжала обьегоривать доверчивых граждан.

Однако разумная девушка понимала, что вечно такая рискованная игра продолжаться не может, а потому не упускала из виду свою главную цель – удачно выйти замуж. Но среди ее окружения подходящих кандидатур не было. Ребята охотно водили Гальчика на дискотеки, а при случае затаскивали в постель.

Серьезных планов Гальчик насчет своих дружков не выстраивала, полагая, что достойна лучшей партии. Отец действовал по старинке: несколько раз охаживал ремешком взрослую дочь, когда она возвращалась под утро. Это заставило Гальчика ускорить поиски мужа. И тут она обнаружила, что мужчины, на ее взгляд приличные, относились к ней с тем же пренебрежением, с каким она относилась к своим приятелям-лохотронщикам. Обеспеченные молодые люди, служащие банков и офисов, не воспринимали всерьез эту девушку с улицы: ни высшего образования, ни связей у родителей, ни нормальной работы. И главным щитом на

пути в ЗАГС становились мамы возможных женихов. Матери нутром чувствовали житейскую оборотистость девчонки и видели в ней опасность для своих сыновей. Они считали Гальчика провинциалкой, охотницей за пропиской, хотя по факту рождения и паспорту девушка была москвичкой. Москвичкой в первом поколении. Что ж, на московских женихах свет клином не сошелся, заключила Гальчик, чья гордость оказалась сильно уязвленной. Она обратилась в брачную фирму, которая за умеренную плату подобрала ей солидного жениха – фермера из неведомого Уэльса, гористой части Великобритании. Дело сладились, и Гальчик, сбежав от тяжелой руки отца, уехала в чужую страну. Но еще долго ее преследовали запававшие в память насмешки рафинированных московских мам, ее несостоявшихся свекровей.

Брак продолжался недолго. Угрюмый валлиец оказался домостроем почтище Галиного папаши. Он попытался запрячь столичную русскую девчонку в упряжь сельского быта. Ей не только приходилось вести дом, но и принимать участие в уходе за довольно большим гуртом овец. И что бы девушка ни делала, муж всегда был недоволен. Постоянно гундосил на непонятном языке, переделывая за Галей работу.

Возможно, Гальчик и не обладала достаточным усердием, но разве это оправдывает мужа? К тому же супруги не имели общего языка в буквальном смысле. Фермер предпочитал родной, валлийский язык и почти не понимал коверканного английского, на котором с трудом изъяснялась Гальчик. А потому Гальчик не могла толком оправдаться перед мужем. Она казалась малообразованному фермеру непокорной и неблагодарной. Все чаще с глухого бормотания он стал срываться на крик, а деньги на хозяйственные расходы выдавал под строгий письменный отчет.

Дождавшись лета, Гальчик сбежала от мужа и с невероятными трудностями добралась до Лондона. Здесь поначалу все складывалось для нее удачно: и погода стояла теплая, ласковая, и компания беззаботной молодежи, ночующая под открытым небом, приняла в свой круг. Это были не то «зеленые», не то антиглобалисты, которые всю энергию молодости направляли, как им казалось, на борьбу с всеобщим злом. Увы, они не всегда ладили с законом, а потому однажды Гальчик в числе других оказалась в полиции.

При проверке документов выяснилось, что она – сбежавшая жена, о пропаже которой заявил в Уэльсе брошенный муж. Мало того, получить вид на жительство в Великобритании, уйдя от мужа, практически невозможно. Считанные месяцы, до завершения бракоразводного процесса, оставалось ей гулять в благословенной Англии. Затем выдворение домой, нерадостная встреча с измученными от вечного безденежья родителями. Выход один – найти работодателя, поручителя, который взял бы за нее ответственность за пребывание в Соединенном Королевстве. Гальчик попробовала устроиться гувернанткой. Но ее английский поверг в ужас добропорядочную супружескую чету. Счастливый случай вывел ее на Олега Нечаева. Гальчик крутилась у больницы, где я проходила лечение, и предлагала всем услуги сиделки. Олег услышал ее речь с явным русским акцентом и предложил девушке работу по уходу за мной. Вскоре я привязалась к своей одновременно простодушной и находчивой помощнице. Несмотря на сомнительное прошлое, Гальчик ни разу не была замечена в склонности к воровству или обману. Это мне кажется естественным: в достойных условиях люди и должны вести себя достойно. За все время нашей с ней лондонской жизни мне ни разу не пришлось усомниться в честности девушки. Гальчик изо всех сил старалась сделаться культурной барышней. Мы жили с Гальчиком душа в душу – так иногда изображают в старинных романах отношения матери и дочери.

Моя единственная родная дочь Евгения жила вдали от меня. Пока я лечилась в Англии, она с мужем уехала из России на постоянное жительство в Германию. Примером ей послужил отец – мой первый муж Ефим. Правда, тот укатил в Израиль. Я не одобряла решение дочери, но и не роптала. Ее подруга при таком же, как в нашей семье, национальном раскладе сде-

лала крен в сторону материнской веры – ушла в православный монастырь. Трудно сказать, что печальнее. Но так вышло, что единственного родного человека уже давно нет рядом со мной.

Гальчик в некотором смысле заменила мне дочь, живущую теперь в Германии. Жизнерадостность, оптимизм этой девушки поднимали мне настроение. А я стала для нее чем-то вроде матери-наставницы, осторожно восполняя пробелы в ее образовании и воспитании. Я рассказывала Гальчику о классических полотнах, когда мы бродили по залам Национального музея, и вместе с ней открывала для себя мир современного искусства в частных лондонских галереях. В то время я уже оставила попытки стать художницей. Вместе с выздоровлением пропала и тяга к краскам. Стало ясно, что занятия живописью были мне лекарством от тоски во время болезни. Гальчик, напротив, загорелась рисованием и несколько месяцев посещала частные рисовальные классы. Хотя ее больше привлекало общество сверстников, чем сама школа. Но не могла же я ее, молоденькую девчонку, как помещица-крепостница, держать у себя на службе двадцать четыре часа в сутки? Она свободный человек. Вскоре Гальчик познакомилась на курсах с парнем. Впрочем, отношения у них были легкие, ни к чему не обязывающие. Она подробно рассказывала мне о них, будто я даже не мать ее, а подруга. С появлением в жизни Гальчика молодого человека карандаши и краски были заброшены. Однако начальное образование в этой области получено.

Гальчик сбросила туфельки и побежала босиком по полу, покрытому мягким ковролином. Она под села к коробке, из которой я наконец вытащила уют.

– Елена, давайте я быстренько выглажу сама. Что вы хотите сегодня надеть?

– На кладбище будет уместна длинная юбка, – подумав, ответила я.

У Гальчика округлились глаза.

– Елена, при чем здесь кладбище! У нас же деловая встреча с художницей Ренатой Гречко, разве я не сказала? Ах да. У нее в мастерской, в Шувалове.

– Гальчик, я впервые слышу это имя. И потом, мы уже договорились с Татьяной ехать на кладбище, на могилу блаженной Ксении.

– Ксения подождет, а Рената ждать не может. Она уезжает в Германию, там выставка ее работ. Вернется через две-три недели. А мы должны за это время подыскать помещение для нашей галереи и оформить все бумаги. Но сегодня надо все обсудить: где, как и в каком виде должна открыться наша галерея.

– Вот как? И почему ты вчера не предупредила?

– Вчера я и сама еще не знала. Мне Игорь Дмитриевич накануне едва ли не ночью позвонил и сказал, что есть одна подходящая для наших целей художница – молодая, но уже имеющая известность в своих кругах. Она работает в жанре актуального искусства – очень современная область. То, что мы хотели.

– Это его знакомая? – Странное чувство ревности к холодному телу, покоящемуся в мавзолее моей души, кольнуло меня. – И разве нельзя было обойтись без услуг Игоря Дмитриевича?

– У Татьяны Васильевны нет связей в мире художников, а у Игоря Дмитриевича всюду найдутся. И потом, он же ваш друг, к кому еще и обращаться!

– Ладно. Хорошо. Придется позвонить Татьяне и отменить встречу.

– Вы звоните, Елена, а я пока ваши светлые брюки поглажу. – Гальчик достала из стенного шкафа гладильную доску. Оказывается, она предусмотрела все необходимое на первых порах. – По-моему, они подойдут для нашего сегодняшнего выезда. В каком чемодане искать?

Я ткнула пальцем в нужную сторону и начала набирать номер Татьяны. Извинилась и сказала, что не смогу с ней поехать на этот раз. Татьяна, бросив, что я теперь важная дама и ей

с самого начала не стоило рассчитывать, что я снизойду до поездки с ней, с обидой грохнула трубку.

Через четверть часа четыре пары светлых брюк: двое белых, голубые и бежевые, уже отглаженные, аккуратно свисали с гладильной доски.

– Какие выберете? – скромно поинтересовалась Гальчик.

Мой приобретенный еще в Англии аккуратный «ровер» стального цвета, специальный европейский вариант с левым рулем, стоял во дворе. Гальчик по моей просьбе организовала перегон машины в Россию, она же сейчас пользовалась ею по доверенности. Теперь, когда я вернулась в Петербург, мне тоже будет нужна машина. Но и Гальчика нельзя оставлять без средства передвижения. Надо подумать о приобретении какого-нибудь шарабанчика для перевозки экспонатов. Гальчик уверенно села на водительское место, я рядом. Мы выехали на набережную Мойки, перекинулись на другой берег через Поцелуев мост, промчались по набережной вдоль Невы и еще через один мост, вдоль Каменноостровского проспекта, одним словом, промахали через весь город и достигли загородного шоссе. Здесь, в ближнем пригороде Шувалове, и жила нужная нам художница. За рядом элитных коттеджей мы с трудом отыскивали ее старенькую хибару.

В дороге Гальчик подготовила меня к предстоящему совещанию. Именно так я назвала про себя эту встречу. Должны были подъехать Игорь с сыном Денисом, вовлеченные Гальчиком в наши дела. Мне не очень нравилась активность Игоря, настораживал его интерес к моему начинанию. Но Гальчик пояснила, что ничего странного в его энтузиазме нет. Сейчас многие бизнесмены присматриваются к галереям и музеям, становятся спонсорами и попечителями этих учреждений.

Мне бы обрадоваться, что объявился такой опытный в коммерции помощник. Но что тогда останется на мою долю? И главное сопротивление вызывало имя спонсора – Игорь Князев. Не хотелось, чтобы его тело из мавзолея моей памяти опять оживало: встречалось со мной, разговаривало, спорило. Я корила себя, что сразу, еще находясь в Англии, решительно не отказала Игорю в ответ на его предложение о помощи. Но я была слишком растерянна после смерти мужа. Сегодня мне предстояло поблагодарить Игоря и объясниться с ним.

– Наши партнеры уже здесь.

Гальчик показала рукой на красную «ауди», вероятно принадлежащую Игорю. В ней сидел и читал книжку водитель.

Машина стояла у покосившегося заборчика. В палисаднике ничего, кроме фиолетовых одичавших люпинов, не росло. Мы припарковались рядом, на развороте пыльной дороги.

Нас высыпали встречать всей компанией. Я жадно разглядывала Игоря. Он поседел и слегка погрузнел за эти годы. Однако дорогой, безупречно сидящий на нем костюм скрадывал и годы, и легкие изъяны фигуры. Волосы, преждевременно поседевшие, по-прежнему густые и хорошо уложены. Их серебристый блеск выгодно оттенял карие глаза Игоря. Они все так же светились лукавинкой. Однако импозантность Игоря была для меня чужой. Игорь, которого я когда-то любила, очень изменился. Денис, его сын, для меня в большей степени был Игорем, чем сам Игорь. Стройный, с темной шевелюрой, уложенной идеально, как у отца, дорогой костюм. И еще не просматривался тот налет начальственного холода, который характерен для людей, поднявшихся на верхние ступеньки лестницы успеха. Денис был непосредствен в общении и обладал природной живостью. Он первый подбежал к нашей машине, помог мне

выйти. Гальчик выскочила сама. Я приветливо поздоровалась с обоими. Однако смотреть в глаза Игорю избегала.

Тут же, поодаль, прислонясь спиной к косяку открытой двери, стояла хозяйка дома, видимо, та самая Рената. На ее губах почему-то блуждала усмешка, подбородок был гордо вздернут, а взгляд, надменно-отсутствующий, скользил поверх наших голов. На Ренате была длинная юбка с рваными краями, сшитая из кусочков трикотажа: розового, голубого, коричневого, и что-то многослойное сверху – короткое на длинном. Игорь подвел меня к ней и представил нас друг другу. Хозяйка улыбнулась и предложила:

– Пойдемте в мастерскую. Здесь мухи, солнце печет, а там пока прохладно. У меня солнца утром не бывает.

Мы обошли дом. Навстречу нам попался неряшливый старик, со включенной бородой и в надетой наизнанку рубашке, расстегнутой на животе. Он что-то бормотал, не обращая на нас внимания.

– Папа, иди в дом. Я поесть тебе приготовила. Извините, – повернулась к нам Рената. – Отец немного не в себе.

Рената подвела нас к покосившейся лесенке – отдельному входу на чердак. Мы гуськом поднялись по скрипучим ступенькам и вошли в довольно просторное помещение – мастерскую Ренаты. Я ожидала увидеть картины, но, кроме двух пейзажей, в рамах на полу, других полотен не было. Зато на видном месте красовалась инсталляция – тарелка, склеенная из разномастных осколков фарфора, с муляжом надкушенного яблока в центре. Остальное попадало под определение просто хлам. Под самой крышей висели два старых этюдника и мотки проволоки. Часть чердака была скрыта от глаз половиками, перекинутыми через веревку, как белье, вывешенное для сушки. В середине помещения стоял сколоченный из длинных досок стол, а на нем лежали бесформенные куски воска, какие-то формочки и шпатели, обрезки проволоки и кусочки кожи. Я поняла, что перед нами скорее скульптор, а не художник.

– Присаживайтесь, где удобнее, – предложила Рената, махнув рукой в сторону узкой скамьи, приставленной к столу, и на старый тюфяк на полу.

Мы вчетвером присели на скамью. Рената осталась стоять, прислонясь к чердачной балке бедром.

– Мне сказали, Елена Павловна, что вы здесь главное действующее лицо, владелица будущей галереи.

– Можно просто Елена.

– Галя, ваша помощница, отрекомендовала мне вас как знатока актуального искусства. – Рената вновь достаточно откровенно усмехнулась. – Что же вас привлекает в современных инсталляциях и перформансах?

Я укоризненно взглянула на Гальчика: ни знатоком, ни специалистом я себя не считала. Просто интересовалась этим направлением.

– Даже не знаю, что сказать, Рената...

– Разговоры потом, – выручил меня Игорь. – Мы кое-что прихватили с собой.

Гальчик поняла его с полуслова, быстро расчистила край рабочего стола от инструментов скульпторши и выставила две бутылки приличного французского вина. Следом на столе появилось несколько упаковок готовых салатиков, пластиковые стаканчики и комплекты одноразовых приборов для еды. В движениях Ренаты появилась азартная поспешность, одобряющая это самовольство. Она обежала стол, пока Денис раскупоривал и разливал вино. Мы выпили за искусство.

– Значит, вы хотите организовать галерею современного искусства. – Взгляд Ренаты после выпитого стаканчика еще больше затуманился, но один глаз будто оставался трезвым – светился лучезарно и ясно. Зато усмешка неожиданно превратилась в грустную улыбку. – Неужели вы думаете, что сможете на этом заработать?

– А почему бы и нет? – вернула Гальчик. – При умелом маркетинге деньги можно сделать из всего.

– Я тут прикинул... могу огласить, если, конечно, Елена Павловна не возражает. – Игорь достал из кармана пиджака сложенный вчетверо листок.

Вижу, он всерьез заинтересовался галереей и подготовился к встрече. Мне очень хотелось воспротивиться напору Игоря, но я промолчала и только кивнула. Посмотрим, что будет дальше.

Игорь высказал свои соображения о галерее, о работе с антикварами и коллекционерами и назвал сумму первоначальных затрат.

И тут я не выдержала:

– Дорогой Игорь Дмитриевич, твои планы весьма остроумны, но они противоречат моим представлениям о галерее. Не знаю, что тебе наговорила моя юная помощница, но я, в память об Олеге Нечаеве, собираюсь выстроить Совсем другое учреждение. Это будет галерея – культурный центр. Непременно кружок эстетического развития для детей, читальный зал по искусству, выставки современных работ.

– Узнаю мечтательницу Елку, – усмехнулся Игорь. – Надолго ли хватит твоих денег при таком хозяйствовании, не знаю. Я не против благотворительности, но она должна сочетаться с коммерцией.

– Не обижайся, Игорь, нам не по пути.

Рената заинтересованно слушала наш спор.

Даже в странных ее, каких-то разных глазах, кажется, вспыхнул огонек. Он усилился после второго тоста, за светлую память Олега Нечаева. Этот тост провозгласила Гальчик.

– Деньги Олега должны работать для людей, а не выкачивать из них финансы, – заключила я наш спор.

Теперь Рената доброжелательно улыбнулась лично мне. Затем каким-то машинальным движением взяла бутылку и уже сама разлила вино по стаканчикам. Однако поддержали ее только мужчины. Гальчик была за рулем, а мне много пить нельзя: мой микрочип в затылке на экстрим не рассчитан.

Рената, взяв свой стаканчик, встала со скамейки и, сделав пару шагов, вновь опустилась, теперь уже на тюфяк у окошка. Задумчиво потягивая терпкий напиток, она пыталась вникнуть в мои фантазии:

– А мне вы какую отводите роль?

Рената ожидала моего ответа, небрежно развалилась на тюфячке. Лишь голова ее, опирающаяся на локоть, была в приподнятом положении. Волна длинных рыжеватых волос свесилась на лицо. Рената, безусловно, старше Гальчика, и в поведении угадывался эпатаж. Она чувствовала себя слишком свободной личностью, чтобы подчиняться мещанским правилам. Хотела шокировать богатенькую недалекую даму, какой поначалу посчитала меня. Но я не собиралась ей подыгрывать.

Предполагаемые роли в нашем фонде мы с Гальчиком расписали еще в Лондоне, когда после многодневных обсуждений решили создать в Петербурге галерею. Гальчик брала на себя организационные вопросы, связи с общественностью, с ее-то неподражаемым умением легко сходиться с людьми. Как быстро она увлекла нашей затеей Игоря! Учитывая, что бизнесмены денег на ветер не бросают. Я же могла выполнять только конкретную работу – выдавать книги, оформлять выставки или вести детский кружок. Я понимала, моего художественного кругозора недостаточно, чтобы наш салон был на уровне. Хотя я несколько лет занималась любительской живописью, я не стала Художником. Чтобы называться им, мало освоить технику рисунка или смешивания красок. Надо родиться Художником и видеть мир так, как видят его художественно одаренные люди. Так что нам требовался классный консультант – куратор выставок! Хотелось заполнить художника, способного выхватывать реальные картинки жизни и встав-

лять их в рамку художественного замысла. Инсталляция из склеенных осколков фарфора и надкушенного яблока заставляла задуматься, отсылала к библейским мотивам.

Для меня желание художников вычленить из жизни реальные кусочки и включить их в художественное произведение – не прихоть, не следование моде. Это способ и моего существования. С тех пор как писательница отобразила мою историю в своем романе, мои беды словно отделились от меня и обесцветились. Моя любовь к Игорю, перенесенная автором на бумагу, стала отвлеченной и безболезненной. Зато роман писательницы наполнился живой тканью. В изобразительном искусстве, даже абстрактном, тоже всегда просвечивает чья-то жизнь. Если рванный ботинок становится артобъектом, предметом пристального внимания, за ним угадывается жизнь какого-то горемыки. Или своя собственная.

Все эти рассуждения я оставила при себе. Выступать с пафосом перед Ренатой, с насмешкой принимающей нас, профанов, да еще учитывая ее не вполне трезвое состояние, мне не хотелось. Я ответила шутливо:

– Ваша роль особая. Нам нужен проводник в мир духов, как водится у шаманов и африканских заклинателей.

– Я попробую, – серьезно произнесла Рената, выпрямившись. – А чтобы вызывать духов, не помешает глоток огненной воды.

Она вновь налила себе вина и выпила. Поскольку мы с Гальчиком оставались трезвыми, то рвение Ренаты заметили. Глядя, как лихо девушка расправляется с вином, я засомневалась, нужна ли она нам. Но Рената держалась хорошо. Только раз покачнулась, когда поднялась с тюфяка и сделала первые шаги в сторону свисающих с веревки половиков. Резко сдернула их, и нашим глазам открылся угол чердака, заваленный грудой старых, видимо, ломаных стульев. Рената включила свет, и сразу несколько ламп осветили эту груду. Стало понятно, что это не случайная свалка, а специально организованная конструкция, авангардная скульптура. Композиция напоминала фрагмент уборки помещения, когда стулья в беспорядке складывают друг на друга. И они не были ломаными. Некоторые изящно словно балансировали на одной ножке, другие, установленные спинками друг к другу, возможно, символизировали некий конфликт. Вещи, когда не используются по прямому назначению, являют собой странное зрелище. Я тотчас подумала, а где сейчас блуждают те люди, что сидели когда-то на этих стульях... А сколько пустых стульев свалено в закоулках моей души?

– Ну, что скажете? – с вызовом спросила Рената.

– Интересная концепция, – уронила Гальчик.

Где она набралась таких слов? Не у меня, во всяком случае. Я с досадой качнула головой.

– Просто замечательно!

Игорь с Денисом тоже подошли к композиции из стульев и стали вертеть головами так и этак, пытаясь разглядеть нечто особенное. Но стулья как стулья. Или они порождали мысль, или оставались грудой хлама.

– Я бы и бакса не дал за сей шедевр, – высказался шепотом Денис.

Обижать художницу не входило в его намерения, но ухо у Ренаты оказалось чрезвычайно чутким.

– Вам, уважаемый ценитель, я бы и за миллион не отдала.

Игорь стал прикидывать, какую бы цену эта вещь имела на рынке изобразительного искусства. Он вернулся к своим установкам, оспаривая мою филантропию. Я прервала спор и вновь обратилась к Ренате:

– Так вы согласны работать с нами?

Рената приблизила ко мне свое лицо настолько, что я уловила винные пары ее дыхания, и чуть отвернулась: Однако наши сердца бились в одном ритме. Не знаю почему, я не видела глаз Ренаты, но в какой-то миг почувствовала, что мы совпали. И было что-то мистическое в этом совпадении. Рената интуицией художника поняла, что я уловила замысел ее работы.

А я поняла, что поняла она. Рената кивнула и вновь набросила чехол на тоскующие стулья, покинутые хозяевами.

Мы обменялись телефонами и договорились созвониться, как только будет найдено помещение для галереи.

Когда мы возвращались к своим машинам, старик, отец художницы, сидел на лавке перед избой и бессмысленно покачивался взад-вперед. Мы попрощались с ним, однако он не ответил.

Я уже было собралась сесть в свой автомобиль, рядом с Гальчиком, как Игорь придержал меня за руку:

– Елка, подожди минутку. Предлагаю пообедать со мной. Садись в мою машину. Нам ведь найдется о чем поговорить и кроме галереи.

Я так устала с этой поездкой, спорами, новым знакомством и громадой будущих свершений, – что сдалась легко и просто:

– Хорошо, Игорь.

Денис тотчас занял мое место рядом с Гальчиком, видимо был предупрежден отцом, а мы сели в машину Игоря. Шофер захлопнул книжку и взялся за руль. Оба авто, подняв пыль, с урчаньем отъехали от домика. На ближайшем перекрестке наша машина свернула в сторону.

Я была приятно удивлена, что и в Петербурге появились такие уютные, маленькие ресторанчики, к которым я успела привыкнуть в Лондоне. Приглушенный свет, несколько электрических свечей на стенах, обтянутых ярко-бордовой тканью, создавали уютную, но с примесью тревоги атмосферу. За угловым столиком сидел одинокий посетитель и читал газету. Перед ним стояла едва тронутая рюмка. Официант дал нам меню и неслышно удалился. Обсуждение блюд много времени не заняло, я положила на выбор Игоря, а он помнил мой вкус: что-нибудь легкое, вроде заливной рыбы. Бутылка сухого вина дополнила наш стол. Игорь приподнял бокал:

– Что ж, за твоё возвращение, Елка.

– За встречу.

Мы сделали пару глотков и принялись за еду. Разговор не клеился. Я ухватилась за соломинку деловой темы:

– Меня, Игорь, надо сказать, удивило и твоё присутствие сегодня, и странный интерес к моей затее. Я бы удивилась меньше, если бы увидела тебя вчера в аэропорту. Ты же знал, что я прилетаю из Лондона?

– Я был в аэропорту, Елка, но не решился подойти. Ты казалась такой неприступной, как английская королева.

– Вот как! Глядя на тебя, не подумаешь, что ты стеснительный.

– По-прежнему иронизируешь... Но я действительно боялся нашей встречи. Вдруг тебе неприятно увидеть меня! К тому же в тебе появилось что-то жесткое, пренебрежительное... Ты держишься, как победительница конкурса красоты. Даже годы не лишили тебя стройности.

– Не смейся, дочку уже выдала замуж, какая стройность! Скажу по секрету: на два размера выросла.

– Тогда ты замечательная обманщица. В своих одеждах кажешься прежней. Шелковые брюки, летящая размахайка, не знаю, как она называется...

– Пончо.

– И этот серебряный браслет на шее. Наверно, последний писк моды! Я видел такие в телевизионных роликах, на девушках, рекламирующих драгоценности.

– Теперь ты издеваешься, – улыбнулась я. – Между прочим, этот мой ошейник – не дань моде, а маскировка хирургического шва.

– Извини, не знал. Но он тебе придает чертовский шарм.

– Шарм – шрам, – обыграла я комплимент, чувствуя неловкость. Я до сих пор испытываю смущение, когда хвалят мою внешность. – А ты мне так и не ответил, зачем тебе моя галерея.

– Ну, что сказать?.. Признаюсь, был у меня коммерческий интерес, но не только. Олег незадолго до своей нелепой гибели звонил, просил не оставлять тебя без помощи. Будто предчувствовал свою смерть и то, что ты вернешься в Россию. Это мой долг покойному другу.

– Олег просил за меня?!

– Это было очень в его духе.

Даже теперь, когда Олега не стало, светлая тень моего благодетеля витала надо мной. И он верно предвидел, что я не останусь в чужой стране. В Лондон хорошо на экскурсию съездить, а жить лучше там, где родная речь звучит. Однако вспоминать безвременно ушедшего Олега мне было еще больно.

– А как у вас с Вероникой? Как малыш? Татьяна доложила мне эту новость как-то по телефону, когда я еще жила в Лондоне. Так что я знала, что в новом браке у Игоря родился сын.

– Я своего Артемку почти не вижу – с работы в десятом часу вечера приезжаю. По выходным тоже дела. Но в общем, крепенький малыш. Вероника же медик, она знает, как закалять ребенка: плавание с двух месяцев, прогулки и все такое. А в этом году мы его в частный садик отдали, а Вероника вновь вышла на работу, возглавила нашу медицинскую «дочку». Она и врач и директор в одном лице.

– Она ведь не ради денег вернулась в бизнес?

– Разумеется. Я семью хорошо обеспечиваю.

– Ты счастлив с Вероникой? – спросила я и нарочито быстро заработала вилкой. Тонкие движения руки для меня еще были слегка затруднительны, но для постороннего глаза мои проблемы уже не были видны.

– Ты молодчина, полностью реабилитировалась, – заметил мои успехи Игорь, но не ответил на мой вопрос. – А помнишь, я тебя с ложечки кормил?

Ладно, не хочет говорить о себе, вернемся к разговору о галерее.

– Игорь, я благодарю за поддержку в вопросе с галереей, но буду тебе признательна, если твоя помощь ограничится только подбором помещения. Лучше побереги свои деньги для более расчетливых партнеров.

– О'кей! Дам поручение Дениске, пусть поработает по нашим установочным данным, в районе между Мариинкой и Поцелуевым мостом. Из дома выскочишь – и уже на работе! Идет? Да, маленькая просьба. Не будешь возражать, если в твоей галерее скромный уголок займет пункт по обслуживанию мобильных телефонов? Наш холдинг сейчас разворачивает сеть таких пунктов по городу, а в том районе у нас пока пробел. Дениска у нас мобилями как раз и занимается.

Возражений у меня не было. Я помнила, как почти десятилетие назад я, Татьяна, Шурик, Игорь раскручивали маленькую фирмочку по производству простеньких приборов из серии «Домашний доктор». Дело, начатое тогда, не заглохло. Потом Игорь пошел вверх, стал президентом большой компании, частью которой осталась маленькая, организованная им «дочка». Теперь Игорь возглавлял все предприятие, связанное с выпуском и эксплуатацией электронной и радиотехники, и не только медицинского назначения. Сын его Денис тоже получил свой надел в отцовском деле, и сейчас Игорь вспомнил об интересах сына. С моей стороны вполне естественно отплатить Игорю маленькой благодарностью за хлопоты, связанные с поиском помещения. Но в главном вопросе, определении стратегии галереи, нам с ним было не по пути. Я хотела тратить деньги на добрые дела, Игорь желал зарабатывать. Поэтому от дальнейшего сотрудничества я отказалась.

Наш разговор перекинулся на Ренату. Игорь, поддразнивая меня, заметил, что женщина она привлекательная, ножки на уровне. Я с укоризной покачала головой. Меня беспокоило

другое: не пьянчужка ли она. Так лихо сегодня потягивала винцо. Я предполагала, что Рената талантливая художница, но сможет ли справиться с рутинными делами? Мы ведь ей не выставиться предложили в нашей галерее, а работать куратором. Все это вполне серьезным тоном я высказала Игорю. Тот стал серьезным и возразил, что просто сегодня неудачно вышло. Мы притащили вино, а сами почти к нему не притронулись, вот бедная девушка за всех и отдувалась. Затем он нахмурился еще больше и замолчал, будто решал, стоит ли говорить о Ренате дальше. И наконец, прямо-таки с отеческой болью во взгляде (куда испарился неисправимый донжуан?) сказал, мол, если у меня есть возможность помочь девушке, дать ей работу, я должна это сделать.

– Должна? Почему?

– Ей очень трудно. Я уж не говорю о полоумном отце, за которым она вынуждена ухаживать. У нее большое несчастье, особенно учитывая профессию: Рената слепа на один глаз, а зрение второго – малые проценты.

– Я и не заметила! А тебе сказал кто-нибудь? И как же она стала художницей?

Знакомые, которые ее рекомендовали, рассказали. Она очень талантливая. Закончила Муху ², дипломированный художник. Но однажды, в компании, ей в глаз попала пробка от шампанского. Глазное яблоко вдребезги. Второй глаз тоже пострадал, они там внутри как-то связаны. Вот такая история. Я думаю, вы с Ренатой сможете помочь друг другу.

Я тоже теперь не сомневалась, что возьму Ренату в свою галерею. И даже вопрос, как она, почти слепая, будет оценивать картины, не смущал меня. Я могла бы просто помочь женщине деньгами, но знала, как порой щепетильны творческие люди, и от этой мысли сразу отказалась.

Разговор о Ренате как-то сгладил шероховатость первой встречи с Игорем. Проявление человеческой доброты всегда красиво, всегда восхищает. На миг я опять попала под обаяние Игоря, но тут же постаралась избавиться от наваждения. Тот, давний, любимый мною Игорь мягко и без обиды вернулся в отведенный ему мавзолей и почил мирным сном. А сидящий напротив Игорь Дмитриевич Князев, почти посторонний мужчина, деловой партнер, был обаятелен и мил, но уже не вызывал у меня никакого волнения. Любопытно, что даже стены ресторанчика, поначалу казавшиеся тревожно-бордовыми, при внимательном взгляде оказались розовато-сиреневыми.

² Мухинка, Муха – высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухиной.

Глава 2

Денис, как и все молодые бизнесмены, действовал оперативно. Вдвоем с Гальчиком они осмотрели несколько помещений, выставленных на продажу, и все отклонили. Дважды ездила на смотрины и я. Они не привередничали. Действительно, большинство сдающихся помещений находились в таких грязных, темных дворах, что ни о какой галерее и речи не могло быть. И вдруг нам повезло! В соседнем дворе, рядом с моим домом, обнаружился наполовину пустующий бывший детский садик. Прежде здание было на балансе какого-то заводика, но теперь заводик находился на грани банкротства и избавлялся от непрофильных учреждений. Быстрая продажа здания была на руку и руководителям предприятия, последние недели досиживающим в своих креслах, и мне. Правда, первый этаж сдавался в аренду какой-то организации и срок аренды заканчивался только через год, но второй этаж был свободен. Скромный типовой особнячок хрущевского периода не представлял ничего из себя привлекательного в архитектурном смысле, зато был чудесно расположен. Его окружал положенный по нормативу того времени небольшой скверик – и это в старом районе города! Неподалеку – оживленная Театральная площадь: Мариинка, Консерватория, Никольский морской собор. С другой стороны, на противоположном берегу Мойки, тихое место – дремлющий памятник архитектуры «Новая Голландия». Посетители смогут любоваться красивейшей аркой над каналом прямо из окна галереи. Арка эта подобна Триумфальной – своей широко известной сестре в Париже, хотя и уступает той в размерах. Так что лучшего места для художественной галереи не придумаешь. Кстати, здесь, на набережной Мойки, часто сидят художники с этюдником и пишут эту замечательную арку.

Я рассчитывала арендовать помещение, но этот особняк был выставлен на продажу. Стоимость его поглощала большую часть моего наследства, и я сомневалась, идти ли на такие безумные траты. Но Игорь и Денис хором заверили меня, что нынче в России недвижимость – лучшее вложение денег. В итоге двухэтажный панельный домик стал моей собственностью, а вскоре мы зарегистрировали и свой фонд – галерею «Поцелуев мост»,

Денис помогал мне во всех организационных делах. Я бы обивала пороги чиновников месяц, а он, с помощью моих денег, управился за неделю. Гальчик, по выданной мною доверенности, переоформила договор с арендаторами первого этажа до конца положенного срока. На данный момент нам был даже на руку дополнительный доход, поступающий от них. Пока нам будет достаточно второго этажа, а дальше посмотрим, как пойдет дело с галереей.хлопоты по устройству галереи сдружили Гальчика и Дениса. И между ними возникло нечто большее, чем деловое партнерство. Они уже вместе наведались в элитный ночной клуб, в выходные побывали на заливе (еще продолжался купальный сезон) и уже планировали провести вместе отпуск. Гальчик призналась, что Денис предложил ей поехать в Испанию, разумеется за его счет.

Я радовалась за свою девочку. Ей все как-то не везло в личном плане, а уж пора вить свое гнездышко, не посвящать же всю жизнь заботам о посторонней даме. И все-таки легкое чувство грусти, которое возникает, когда взрослые дети уходят из дома, овладело мною. Я привязалась к Гальчику, как к дочке. Она и в доме, как дочка, основательно помогала мне. Хотя с моими средствами бытовые заботы не проблема. Мне уже порекомендовали женщину для помощи по дому. Она должна была приходить ко мне дважды в неделю убирать, помыть, постирать. Машину я могу водить и сама, мой «ровер» легок в управлении. В крайнем случае найму шофера. Но поскольку помещение для галереи мне подыскали рядом с домом, с этим пока повременю. Не так часто мне придется ездить. Я с легким сердцем отпустила Гальчика в отпуск.

На следующий день после отъезда Гальчика с Денисом в Испанию ко мне домой приехала Рената. Она только что вернулась из поездки в Германию и была полна впечатлений и планов. И хотя две ее концептуальные работы, представленные на тамошней выставке, прошли незамеченными, она не унывала. Теперь Рената знала, в каком направлении ей работать, а определенность для художника многого стоит. То, что увидела в Германии, она хотела отчасти воплотить в стенах нашей галереи. Сегодня мы обсуждали художественное оформление нашего островка современного искусства. Вскоре предстояло открытие выставочного зала. Рената добиралась ко мне из своего Шувалова полдня: автобус, метро, маршрутка – не ближний свет. Кроме того, она из-за плохого зрения перепутала номера маршрутки и заехала не туда. Однако в середине дня Рената наконец появилась у меня в квартире. Сразу вручила мне большой пакет – посылку из Германии от моей дочки. Я с жадностью стала ее расспрашивать о житье-бытье моей Женечки. К сожалению, встреча их была мимолетной, в аэропорту, и ничего существенного дочь не сообщила. По крайней мере, я успокоилась, что с моей девочкой все в порядке. Живет с мужем, воспитывает ребеночка.

Я потащила Ренату за стол и напоила крепким чаем, потом повела показывать все еще пустую квартиру. За эти дни появилась только новая кровать с красиво изогнутыми металлическими прутьями вместо спинок. Белые стены еще больше подчеркивали незаполненность пространства.

– В твоей квартире, Елена, не хватает цветовых акцентов. Стерильный евроремонт бездушен. Как ты можешь жить в таком скучном интерьере?

– Пока это только фон, Рената. Появится мебель, будут цветовые акценты. Я бы, наоборот, не смогла жить в пестроты.

– Ты живешь в застывшем тумане – слишком много белизны.

Я подумала, может, не квартира, а зрение Ренаты создает для нее впечатление тумана.

– Только не думай, что этот туман – следствие моего неполноценного зрения.

– Нет, Рената, я не думаю...

– Я, признаюсь, не вижу мелких деталей, например черт твоего лица, но цвет я чувствую. Он же имеет волновую природу, помнишь из школьного курса физики?

Я помнила не только из курса физики, но из истории собственной болезни. На пике ее я тоже ощущала цвет по его излучению, но теперь, после наступившего в здоровье улучшения, это мое второе зрение закрылось. Я верила, что Рената смотрит не только глазами.

– И все же, Лена, послушай меня. На белом фоне ты не получишь достаточной глубины объема, даже с помощью мебели. Я бы тебе посоветовала...

Рената с увлечением живописала вариант, на ее взгляд оптимальный: разноцветные панели на стенах, фальшокна в коридоре, синие потолки...

– Извини, Ренаточка. Твои фантазии интересны, но лучше мы воплотим их в галерее. Оформлять свою квартиру я предпочитаю сама. Поэтому я и поручила Гальчику отделать ее в нейтральных тонах, чтобы потом не стеснять себя в выборе мебели.

Рената пожала плечами. Затем, изучающе посмотрев на меня полуслепым глазом, попросила:

– Разреши, Лена, мне твое лицо пальцами посмотреть. Они более зрячи, чем мои глаза.

Я подошла ближе к своей новой приятельнице и сама приложила ее ладони к своим щекам. Странное чувство беспокойства охватило меня. С закрытыми глазами я ощущала движения пальцев Ренаты с волнением – щекочущие, чуть волнующие, слегка пугающие.

Рената отступила и присела на матрасик, по-прежнему лежащий на полу. Пока он исполнял роль гостевого диванчика. Я вспомнила Ренату на ее собственном тюфячке, расслабленную и пьяноватую. Сейчас она была напряжена.

– Мне жаль тебя, Лена. Из пяти подаренных тебе природой чувств ты, наверное, используешь лишь зрение и слух. Но ощущение пребывает в тебе в вечном покое. Я чувствовала, как ты напряглась, почти испугалась, когда я ощупывала тебя. Ты боишься прикосновений, хотя осязание – высшее чувство, дарованное людям.

Знаешь, когда у меня случилась беда со зрением, я думала, что жизнь для меня закончилась. Тем более для меня в моей профессии. Однако тебе известно, что Бетховен сочинял свою музыку, будучи глухим. Так и я, почти потеряв зрение, проникла в такие тайны природы, о каких прежде и не помышляла. Правда, я теперь сосредоточилась на скульптуре, доверилась своему осязанию. Не обедняй себя, Леночка, почаще прикасайся к миру.

Я выслушала ее с легкой обидой за себя и свою жизнь. Обидно было слышать о своей ущербности. Да, у кого-то на высоте зрение, у других – слух, обоняние. Но превозносить физическое чувствование? Мне всегда казалось, что это качество – особенность примитивных личностей. Они видят лишь маленькую толику огромного мира, как слепые – слона в известной притче. Чем меньше осязаемого, материального в жизни человека, тем он духовнее. Чистая мысль – вот предел совершенства.

Рената продолжала говорить обо мне:

– Черты твоего лица кричат, что ты живешь в напряжении, не доверяешь миру. Крепко сжатые губы, напряженные ноздри, морщинка на переносице. Тебя что-то тревожит, беспокоит будущее?

– Вовсе нет. – Я присела на матрасик рядом с Ренатой. – Я живу сегодняшним днем. Завтра может и не быть.

Странное мировоззрение. При таком отношении к жизни человек должен сорваться с катушек, веселиться напропалую. Но за тобой я не замечаю легкомыслия. Что же для тебя значит: жить одним днем?

– Для меня это – жить, не жалея себя. Отдавать людям душу, ум, силы... – Я замолчала, смутившись высокопарности слов.

– Но эти браслетики, ожерелья на тебе, каждый раз новые – не слишком ли суетная забота для последнего дня?

Да, надо или помалкивать о своем взгляде на жизненные ценности, или быть откровенной до конца. Мое понимание мира пришло ко мне после жутких испытаний. Не захотелось скрывать от Ренаты свои обстоятельства.

Мы сидели с ней на полу, на матрасе, как на плотике в океане, – потерпевшие кораблекрушение одинокие женщины. Что страшнее: почти потерять зрение, как Рената, или заглянуть в темную бездну, как я? Преодолевая себя, я рассказала ей все. О том, что переболела энцефалитом, об осложнениях после него. Как падала на грудь моя голова и не подымались руки. Как в Англии мне сделали операцию, вернули свободу движений и укрепили мышцы шеи. Как теперь я вынуждена постоянно носить ожерелье. Также поведала и об Игоре. Призналась, что мы были вместе до моей болезни, но он оставил меня после трагедии.

– Вот почему между вами чувствовалось какое-то напряжение! Однако мне трудно поверить, что Игорь Дмитриевич способен на предательство. Может, обстоятельства вынудили его так поступить? Он мне кажется достойным человеком. И совсем не похож на чванливого бизнесмена. Между вами была любовь-дружба?

– Странное сочетание, правда? Но именно так я и охарактеризовала бы наши отношения.

– А твой последний муж, Олег Нечаев? Почему ты вышла за него, если любила Игоря?

– Олег был очень одинок, хотя и очень богат. Он помог мне с лечением и окружил заботой. Я казалась ему воплощением каких-то грез, связанных с его матерью.

– И в чем проявлялась его забота?

– Даже в мелочах. Олег сам ездил со мной по магазинам и покупал все платья, до которых я лишь дотрагивалась. Брал билеты в ложи лучших театров на все премьеры. Вozил на курорты.

– И тебе не было скучно с ним?

– Он укрепил мою самооценку. Я вновь почувствовала себя привлекательной и почти здоровой. Представь, когда ты впервые надеваешь вечернее платье от модного кутюрье, а на тебя смотрит любящий мужчина... Ты бы устояла?

– А ты была с ним счастлива как женщина?

– Ты имеешь в виду интим? Тут и говорить не о чем. Олег не был гигантом, да и я после болезни растеряла пылкость. Я была спокойна и почти счастлива.

– Но ты же еще не старая!

– Не суди по внешнему виду, Рената. Иногда болезнь наделяет прозрачностью, делает человека моложавым. Возможно, это мой случай. Но хватит обо мне! Лучше, Ренаточка, приоткрой свои тайны. У тебя есть кто-нибудь?

Был одно время пожилой художник, но теперь состарился вконец, ему уже шестьдесят. И вспомнил о жене. Мы, правда, остались друзьями, однако каждый живет своей жизнью. Ты, наверное, слышала его имя – Филипп Шиманский. Я покачала головой.

– Правда, и мне сейчас не до амуров. Отец-инвалид на руках, сама на один глаз слепая.

И тут же другой, живой глаз Ренаты затуманился грустной поволокой. Но его сосед, стеклянный обманщик, был по-прежнему невозмутим и прозрачен. Я нашла в себе силы и впервые рассмотрела его: он казался дорогим изумрудом, по ошибке вставленным не на свое место. Будто Рената в своих художественных изысках и экспериментах не пощадила и себя. Я обняла молодую художницу и погладила по плечу.

– Не грусти. Все у нас будет хорошо. Развернемся с галереей, выставим твои скульптуры, привлечем других мастеров. Мы с тобой еще вкусим праздник жизни. Хватит горевать, пора работать. Идем в галерею!

Через четверть часа мы подходили к скверику перед нашей галереей. Ну и жара выдалась этим летом! Газон перед особнячком частью выгорел от солнца, а частью полысел от паркующихся авто. Сейчас здесь громоздился чуть побитый, грязно-бежевого цвета микроавтобус. Прежде такой мог быть на службе скорой помощи. Рядом с машиной размеренно махал метлой по песчаной дорожке субтильного сложения мужчина, облаченный в дворницкий ярко-оранжевый жилет, надетый на голое тело. Его ритмичные движения выглядели молодцеватым танцем под звучащую на улице громкую музыку радиоприемника, выставленного на подоконнике первого этажа. Обычно под такие песни солдаты маршируют на плацу. Везет мне нынче на меломанов! Дворник стоял к нам спиной и не замечал нас. Рената неожиданно дернула меня за рукав и потащила в другую сторону:

– О, я вижу, тут монумент, ну и махина! Сейчас посмотрим, что это за шедевр. – Рената ловко, как обезьянка, вскарабкалась на скульптуру и стала ощупывать ее детали.

Я разглядывала скульптуру с земли. Парная композиция: старик-производственник с большими, выпирающими над губой бронзовыми усами торжественно вручал рабочий молоток ученику-ремесленнику. Так сказать, символическая передача традиций. Правда, присутствие живой Ренаты, в обтягивающих джинсах и маечке, рядом с юношей изменяло замысел композиции. Получалось, что старый рабочий благословляет не юношу на труд, а чету новобранцев на счастливую жизнь. Только непонятно, почему молотком. Тут же вспомнились композиции актуального авангарда, виденные мною в лондонских музеях. Внедрение в мертвую материю живого артефакта дает непредсказуемый эффект.

Рената прыгнула с постамента и подвела черту под исследованием, стараясь перекрыть громкие куплеты марша:

– Скульптура сталинского соцреализма. Возможно, завод вывез ее со своей территории и установил здесь перед детским садом для назидания детишкам.

– Для малышей эта скульптура слишком угрюма. Она скорее пугает, чем радует.

– А кто арендует первый этаж?

– Какие-то нормалисты. Я ничего о них не знаю. Встречалась с директором лишь раз, когда окончательные бумаги на аренду с ними подписывала. Все предварительные переговоры Денис вел. А так больше не сталкивалась, хотя надо поближе познакомиться, соседи, как-никак.

– Какие нормалисты?

– Пока ничего не могу сказать кроме того, что написано при входе.

На двери висела фанерка с накорябанными вручную словами: «Добровольческое общество нормалистов».

– Сейчас мы у дворника разведем обстановку, а потом пойдем знакомиться с шефом, – решила Рената и окликнула человека с метлой: – Милый друг, можно вас на минутку?

– И приглушите, пожалуйста, звук! – добавила я.

Дворник обернулся, метнулся к окну и выключил приемник. Затем, опираясь на метлу, застыл в неподвижности. Благословенная тишина воцарилась в скверике. Дворник глядел на нас выжидающе. Мы тоже разглядывали его. Прежде я не видела этого человека рядом с галереей. Либо он был в отпуске, либо недавно устроился к нормалистам. Выглядел дворник странно: чисто выбрит, на голой шее елозит черный галстук с серебристым клеймом чуть ниже узла. Присмотревшись, я разобрала в клейме очертания пузатенького самовара. Затейливый галстук весело перекликался с оранжевой жилеткой, распахнутой на впалом животе. По такому прикиду можно заподозрить, что он дурачок, но лицо... Нет, дворник не глупец. Изрытое рубцами от былых угрей, оно осветилось приветливой улыбкой. Пользуясь паузой, он отставил метлу, достал из кармана пачку «Беломора», зажигалку и, щелкнув ею, раскурил папиросу. Затем спросил:

– Чем могу помочь, девушки?

За девушку в нашей паре могла сойти лишь Рената, мне это обращение досталось за компанию, но оно не покорило меня. Девушка – это забавно! Я отыграла пас мужчине, по виду моему ровеснику:

– Введите, молодой человек, нас в курс. Чем занимается расположенная на первом этаже организация?

– И нельзя ли отогнать подальше от входа этот фургон? – подхватила Рената.

– Сколько вопросов сразу! На первый вопрос отвечу честно – не знаю. Собирают собрания, о чем-то спорят, шумят, но я не вникал в смысл. Что же касается фургона, то держать его здесь постановило начальство. Да вы поговорите с директором. Он сейчас на месте.

– А как директора звать? – поинтересовалась Рената.

– Толик. То бишь Анатолий Иванович.

– А вас, дорогой? – Улыбка франтоватого дворника без рубахи, но в галстук воодушевила Ренату. Она приосанилась, встряхнула гривой каштановых волос. Женское кокетство засверкало во всей красе!

– Меня? Матвей.

– А по отчеству? – Рената подошла ближе, чтобы лучше разглядеть мужчину.

– Николаевич.

Они были одного роста: стройная Рената и щуплый Матвей Николаевич. Но женщина при таких параметрах кажется высокой, а мужчина низкорослым.

Рената протянула ему руку:

– Рената.

– Меня тоже можете просто Матвеем звать, – уточнил дворник, обращаясь почему-то ко мне.

Я представилась по имени-отчеству.

Когда мы с Ренатой входили в помещение, нас подхлестнула в спину музыка – дворник на улице продолжал трудиться. Однако охранник на входе мирно почивал. Мы не стали его тревожить и прошли мимо. Я знала, куда идти. Помещение выглядело казенно, словно какая-нибудь инспекция, но везде довольно чисто. Кабинет директора размещался за новенькими перегородками. На двери висела табличка: «Директор. Анатолий Иванович Коровец».

Это была моя вторая встреча с директором. В первый раз я толком не успела рассмотреть его, тогда Денис торопил нас поскорее подписать документы. Директор, по сути мальчишка, старался придать себе солидности. Несмотря на жару, Толик облачился в строгий, мешковато сидящий на нем костюм, галстук (на нем тоже был изображен маленький серебристый самоварчик). Тут же я догадалась, что вряд ли это совпадение – скорее фирменный знак. При нашем появлении директор чуть привстал с кресла. Я напомнила директору свое имя-отчество, представила Ренату и сказала, что мы хотели бы обсудить с ним некоторые вопросы.

– Я тоже. Я в курсе, что скоро у вас откроется выставка. Надеюсь, обнаженных безобразий выставлять не будете? – высокомерно заявил Толик-Анатолий Иванович. В день перезаключения с ним аренды он держался скромнее.

– По-вашему, Венера Милосская – это безобразие? – вспыхнула Рената.

– Не передергивайте. Вы поняли, что я имею в виду. Разумеется, я не против божественной красоты античности, я категорически возражаю против пошлости нынешних малевал.

Я тронула Ренату за руку, чтобы остановить разгорающийся спор. Хотя никаких прав диктовать свои условия Коровцу у нас не было, входить в конфронтацию с ним не имело смысла. Я миролюбиво пояснила:

– У нас все будет вполне благопристойно, уверяю вас, Анатолий Иванович. А позвольте узнать, чем занимается ваше добровольное общество?

– Не добровольное, а добровольческое, – поправил он. – Наше общество борется за нормальное существование: скромный быт, правильное искусство, духовность и образованность. Мы проводим разные мероприятия в этом ключе: собрания, занятия по интересам, распространяем среди населения соответствующие брошюры. Дух торгашества и разнузданности нам чужд.

– Ну, тогда, я полагаю, мы найдем общий язык. Мы тоже преследуем благотворительные и просветительские цели, – заключила я, вставая.

– Скажите, а нельзя переставить вашу машину подальше от здания? – всколыхнулась Рената. – Мы хотим как можно скорее обустроить часть территории, примыкающей к нашей галерее, а места совсем нет. С одной стороны эта нелепая скульптура, с другой – автобус.

– Почему же нелепая? Очень правильная скульптура, воспитывает массы в духе рабочих традиций. О машине я дам распоряжение, ее отгонят подальше. Но проект вашего благоустройства прошу представить мне на рассмотрение.

Мы с Ренатой чуть не прыснули от такого нелепого чванства юного директора, но промолчали. Затем вежливо попрощались и двинули к лестнице, ведущей на наш второй этаж. Я уже раскаивалась, что послушалась Игоря и в целях экономии средств продлила нормалистам аренду. Если они и дальше будут так выпендриваться, придется им искать другое помещение. Однако, пока их пребывание в моем особняке вполне законно, следовало подумать, как указать им на место.

Второй этаж имел плачевный вид. Выехавшие арендаторы, явные временщики, не постарались даже для себя. Нормалисты худо-бедно поддерживали свое помещение в приличном виде, но здесь стены и потолки были в ужасном состоянии. Ремонта не было, думаю, со времен нахождения здесь детского садика. Выехавшие неряхи даже не убрали за собой мусор. Какие-то бланки, квитанции, разнесенные сквозняком, шуршали по полу. Облупившаяся роспись на стенах, по мотивам детских сказок, напоминала о лучших временах, когда здесь играли дети.

– Может, так и оставим картинки? – обратилась я к Ренате.

– А что? – серьезно ответила она. – Если отгородим часть торцевой стены для детского кружка, можно оставить в одном уголке сказочные мотивы. Но подновить, конечно, придется. Пригласим моего старичка, Филиппа. Он подсобит.

Детскую комнату, как мы окрестили планируемый закуток, мы решили совместить с маленькой читалкой. Поставим стенд с художественными изданиями, в центр – круглый стол. За ним и дети могут заниматься, и посетители листать журналы. Потом мы осмотрели подсобные помещения. Тесноваты, но в них можно разместить фонды наших выставок и подготовительный реквизит – подрамники, холсты, деревянные рейки и прочую дребедень. Наконец, мы вышли на веранду и обомлели от обилия солнечного света. Даже Рената зажмурилась от яркого светила.

– А что же мы здесь устроим? – задумчиво проговорила я, любуясь аркой «Новой Голландии» над рекой, видной с этого места. В таком красивом освещении она впервые предстала передо мной.

– Как бы мне хотелось иметь здесь мастерскую! – мечтательно протянула Рената.

– Это можно устроить. Только на веранде не всегда будет так солнечно и тепло. Зимой, пожалуй, мороз, как на улице. Разве что от ветра защита. Думаю, раньше ясельную группу выгуливали.

– Про зиму я не говорю, – поскущнула Рената. – Зимой я должна быть при отце постоянно, печь надо топить каждый день. Но летом и осенью я могу его временами оставлять на соседок. У нас очень сердобольные старушки в округе живут, правда, их мало осталось.

Мы обошли с Ренатой все помещения, обговорили детали проекта переустройства и затем расстались. Художница поехала к себе в Шувалово, а я отправилась к своему дому, расположенному в соседнем дворе. Когда я подходила к подъезду, услышала за собой чьи-то шаги. Вначале не обратила на них внимания: был ранний вечер, люди возвращались с работы, мало ли кто идет следом. И на улице светло как днем! Но, когда человек вошел в подъезд за мной по пятам, я ускорила шаг. Я заставила себя не оглядываться, но забеспокоилась. Лифт, на мое счастье, стоял на первом этаже. Я вбежала в него и спешно нажала кнопку подъема, но нога преследователя не дала сомкнуться дверцам. Они разбежались вновь. Я зажмурилась от страха.

– Подождите, пожалуйста, куда же вы так торопитесь? – прозвучал уже знакомый мужской голос.

Я разлепила глаза и узнала дворника из общества нормалистов, с которым разговаривала сегодня утром.

– Зачем вы преследуете меня? – спросила я, взяв себя в руки.

– Преследую? – удивленно переспросил он. – Я иду домой. Я живу на пятом этаже. А вы новая жилища с верхнего этажа?

– Как вы догадались?

– Не надо быть детективом, чтобы понять это. Когда два месяца над твоей головой стучат молотки и поют дрели, ясно, что новые жилыцы въезжают.

Замечание Матвея показалось мне скрытым упреком в нарушении тишины, и я тут же вспомнила о музыке, доносящейся из его квартиры. Правда, после замечания, сделанного мною в первое мое утро пребывания здесь, он больше не включал ее в такую рань, однако в другие часы, выходя на балкон, я слышала ее.

– А я, благодаря вам, выучила наизусть весь репертуар Жанны Бичевской и вспомнила забытые мелодии прошлых лет.

Мой попутчик пожал плечами. Сейчас он выглядел совершенно нормально – ни яркого жилета, ни дурацкого галстука на голой шее. Обычная трикотажная футболка с короткими рукавами, заправленная в джинсы. Старенький лифт дополз до пятого этажа, и мой сосед снизу, молча кивнув, покинул его. Я поднялась еще на один этаж.

Что ж, теперь я хотя бы знаю имя меломана.

Перед сном я включила компьютер и проверила электронную почту. Моя дочь, Женечка, спрашивала, дошла ли до меня посылка, переданная мне из Германии с Ренатой. Я отбила подтверждение и только сейчас развернула пакет, привезенный мне Ренатой. Дочка передала набор дорогой косметики, для меня – не слишком ценный подарок. Но так обычно и бывает: люди дарят то, что им самим нравится. Однако внимание всегда дорого.

Глава 3

Гальчик и Денис вернулись из Испании, восхищенные страной и друг другом. Особенно окрыленной чувствовала себя Гальчик. По ее рассказам выходило, что она пользовалась на курорте потрясающим успехом: на пляже мужчины буквально ее расстреливали взглядами, а вечерами, в ресторане, не было отбоя от желающих потанцевать с ней. Денис слегка ревновал Гальчика, что подтверждало его любовь к девушке. Поэтому следующим, закономерным шагом в их жизни стало представление Гальчика матери Дениса.

Я знаю его мать Ольгу, первую жену Игоря, с институтских времен. Со слезами на глазах я гуляла на их студенческой свадьбе. Тогда я потеряла моего любимого в первый раз – наши пути-дорожки разбежались надолго. Встретились мы через много лет. У каждого была своя семья, почти взрослые дети – не было лишь счастья. И нас неодолимо потянуло друг к другу. Мы решились выстроить свою жизнь заново. Соединили свои судьбы, как думалось, навсегда. И с того времени я стала для его первой жены врагом номер один. У меня тоже не было оснований любить Ольгу.

Какой она стала сейчас? Ольга, как и Игорь, старше меня. Значит, ей к полтиннику близится. Наверное, еще больше растолстела, поскольку и в молодые годы была изрядной пышкой. Уже тогда Ольга имела властный характер. По сути, она женила на себе Игоря и все время пыталась держать мужа под каблуком. Вряд ли она стала более уступчивой. Наверное, теперь все окружение под себя подмяла. Хотя кого подминать? Живет одна. Насколько я знаю, заново свою семейную жизнь не устроила. Сын, став взрослым, отделился – у Дениса свое жилье.

Я вновь мысленно перенеслась в далекие годы. Какой водопад ненависти Ольга обрушила на меня, когда Игорь от нее ушел. Татьяна даже говорила, что это она навела на меня порчу. Я не отбивала Игоря. Я появилась в его жизни, когда разлад в их семье стал необратим. Игорь страдал в тисках нелюбимой жены и уже не раз вырывался на сторону. Трудно жить с человеком, если он не понимает тебя. У нас с ним все было иначе – любовь, взаимопонимание, уважение друг к другу.

Ольга возненавидела меня, но теперь нам с ней делить нечего и некого. Игорь уже несколько лет живет с третьей женой Вероникой (я была у него второй). Татьяна как-то говорила, что теперь у Ольги новая головная боль. Ей невыносима мысль, что у Игоря родился еще один ребенок. Маленький Артемка – конкурент Денису и в смысле отцовской любви, и в материальном отношении. Ведь Игорь нынче богатый человек.

Хотя вражда Ольги ко мне сейчас ничем не подпитывалась, я не сомневалась, что она не исчезла бесследно. Когда Гальчик сообщила о предстоящем визите к матери Дениса, я испугалась, что девочка ненароком упомянет мое имя и это повредит ей. Я предупредила свою воспитанницу. Однако умненькая Гальчик, зная предысторию наших отношений с Игорем, и сама не собиралась говорить обо мне, и Денису запретила откровенничать с мамой. Так что первая встреча девушки с Ольгой прошла почти безоблачно. Ольга приготовила богатый стол, накормила детей до отвала, потом стала выпрашивать Гальчика о родителях.

Девушка и к этому подготовилась. Сказала, что родители живут в Москве, они коммерсанты. О себе сообщила, что работает топ-менеджером по связям с общественностью в художественной галерее, что абсолютная правда. Я эту должность по ее просьбе ей в трудовую книжку вписала. На вопрос Ольги, как девушка смотрит на обязанности жены и матери, Гальчик поспешно ответила, что ставит их на первое место. Если муж потребует, она бросит работу

и будет сидеть дома. Представляю лучезарно-смущенную девушку – ее главный козырь в разговорах с нужными людьми. Но Ольге ответ не понравился. Она сказала, что женщина должна везде успевать. Дальше последовал пространный рассказ о своей жизни. Как она воспитывала Дениса, совмещая материнские обязанности с работой инженера в НИИ, как активно участвовала в общественной работе, выбиралась на должности в профсоюзе. «Не дело это, – заключила Ольга, – на шее у мужа сидеть». Гальчик тотчас дала задний ход. Сказала, что не собирается оставлять работу. Сейчас многие молодые мамы сами работают, а ребенка оставляют на няню. И снова Ольга оказалась недовольна. Сказала, что маленького ребенка нельзя на чужих людей оставлять. Одним словом, она совсем запутала Гальчика своими противоречивыми взглядами. И Гальчик замолчала. Денис же молчал все время обеда. Но Ольга снова взяла нить разговора в свои руки, поинтересовалась, какое у Гальчика образование. И тут моя девочка снова слукавила, ответила, что высшее педагогическое. В общем, первый раунд между вероятной свекровью и предполагаемой невесткой закончился вничью. Я посоветовала Гальчику бывать у Ольги пореже, тогда все будет в порядке.

У Гальчика и времени лишнего не было на пустые визиты. После отпуска она с головой окунулась в "дела галереи. Приглашенная ею строительная бригада работала с утра до ночи, а Гальчик контролировала, как идет ремонт. Рената тоже часто приезжала и помогала советами.

Она также отвечала за оформление ландшафта перед входом в галерею. Предполагалось, что главным акцентом здесь станет ее глубокомысленная композиция из стульев. Поскольку дерево боится сырости, над скульптурой решили соорудить небольшой навес, что-то вроде склепа. Так что и на улице трудились рабочие. Денис, не одобрявший это нагромождение стульев, считал, однако, что они будут привлекать посетителей в галерею и способствовать прибыли. Вообще, он постоянно консультировал Гальчика в вопросах бизнеса. С особой заинтересованностью Денис следил за отделкой маленького уголка в зале, где предстояло открыть его пункт по продаже и регистрации мобильных телефонов. Пункт представлял собой маленький прилавок с витринами для образцов трубок и крошечное место для продавца.

Наличие этого пункта в галерее давало еще один существенный плюс – охрану: мобильные телефоны – товар не дешевый. Поначалу я легкомысленно отнеслась к этому вопросу. Думала, пока в галерее нет ценных картин, то и охранять нечего. Однако ночью, вслед за доставкой материалов для ремонта, замок на помещении галереи был взломан, а строительные товары украдены. Я понесла первый заметный ущерб и получила первый урок ведения собственного бизнеса.

Заинтересованность в охране помещений проявили все, даже нормалисты. Оказывается, прежде у них был лишь старик вахтер, пропускавший всех подряд. Я сама могла убедиться в его беспечности. И дважды нормалисты подвергались взлому. Хотя грабить, честно говоря, у них было нечего – телефон с факсом, старенький компьютер в кабинете директора да десятка два разномастных стульев, выставленных в зале для проведения собраний. Хотя нормалисты и приняли наше предложение о совместной охране объекта, тратиться на благоустройство не желали. Но они, по словам директора, были «готовы покрыть свой пай трудовым участием». Он обещал, что поручит своему вахтеру наблюдать за всем зданием, если на посту будет телевизор наружного наблюдения. Коровец также рекомендовал нам использовать Матвея для проводки сигнализации в нашем здании. Уверял, что тот справится. Видимо, метла – не единственный инструмент, с которым мог управляться его работник.

Вскоре Матвей появился на нашем этаже, в галерее. Я наблюдала, как он, встав на стремянку, тянет вдоль карниза провод. Мимоходом я кое-что ему присоветовала, ведь прежде работала инженером по электросвязи. И знала, как лучше сделать разветвление, где установить датчики. Но Матвей делал вид, будто не слышит. Он работал молча, почти не выпуская папиросы изо рта. Курил дешевый, но крепкий и вонючий «Беломор», однако кисловатый дым уходил в настесь открытые окна и мне не мешал.

Я наблюдала за его работой не только потому, что озаботилась ее качеством. Было нечто особенное в этом сдержанном, немногословном мужчине, что привлекало мое внимание. Разумеется, не внешний вид. Непременный черный галстук с серебристым самоварчиком, болтавшийся над вырезом футболки, придавал облику Матвея комичность, но он не замечал этого. Какая-то внутренняя отстраненность в отношении к внешнему миру угадывалась в его взглядах и движениях.

Мои попытки разговорить Матвея все же увенчались успехом! Постепенно я вовлекла его в беседу. На мой вопрос, где он обучался ремеслу монтера, Матвей ответил, что служил телефонистом в армии. В свою очередь поинтересовался, где училась я. Видимо, ему показалась странной техническая эрудиция хозяйки галереи.

– В электротехническом институте.

– То-то, смотрю, вы кое-что кумекаете в этом деле.

У меня зарделись щеки.

Однако он тут же заметил, что считает для женщин все эти электрические профессии мало подходящими. Разговор о предназначении женщины естественным образом перекинулся на политику. В Петербурге как раз готовились к выборам нового губернатора. В качестве кандидата власти выдвинули высокопоставленную женщину из министерских кругов. Мне ее имя ни о чем не говорило, ведь я отсутствовала в стране в годы, на которые пришелся пик ее карьеры. А Матвей не одобрял все. И то, что это выборы без выбора, и то, что она – особа женского пола. Ему импонировал другой кандидат, бросивший лозунг «Губернатор – мужская работа». Тут я не выдержала, возмутилась. Я сама услышала, как резко зазвенел мой голос. Такое пренебрежение к женщине показалось мне неприличным. И кто бы говорил – простой дворник-монтажник! Матвей оставался спокойным. Видно, имел твердые взгляды на этот счет. Он добавил, что испокон веку существует разделение обязанностей между полами. Женщина – хранительница семейного очага, мужчина – добытчик и защитник ее. К этому моменту Матвей закончил разводку схемы и включил рубильник. Где-то был обрыв, и схема не прозванивалась.

Матвей присел на ступеньку стремянки и снова закурил. Неудача как бы не трогала его: он сделал так, как указано в схеме, остальное его не касается. Он предложил мне отыскать в схеме ошибку. Я развернула чертеж и уткнулась в него.

Оказывается, знания не выветрились, а лишь заснули в моей памяти. Я не обращалась к электрическим схемам сто лет, но сейчас во мне ожил не только инженерный опыт, но и чувства. Ведь основы электричества преподавал мне когда-то Игорь Князев, в то время преподаватель-стажер школы, где я училась. Кто-то восторгается от аромата цветка, другой оживет от знакомой мелодии, я воскресла от электрической схемы! Будто невидимая рука щелкнула тумблером и включила девичье томление в моей груди – его я испытывала на уроках электротехники. И разом обстановка вокруг меня стала иной.

Монтер превратился в мужчину. Заметил ли он перемену во мне? Матвей пригасил папиросу о кончик отвертки и спросил, нашла ли я ошибку. Я поднесла ему схему и указала на место, которое следовало проверить. Наши лица сблизились. Я хорошо видела чуть желтоватые белки его прищуренных глаз, рубцы от былых угрей, довольно-таки мясистые губы и слегка

раздувающиеся ноздри, из которых струилось облако табачного духа. И тут я поняла, что у Матвея, под маской внешней бесстрастности, тоже скрыто напряжение – рука его, держащая сигарету, слегка подрагивает. Кем он себя чувствовал: жертвой или охотником, было непонятно. Мы взглянули друг другу в глаза. Молчаливое признание в одиночестве вырвалось из нас одновременно. Я испугалась, потому что за последние годы отвыкла быть просто женщиной.

Поспешно отведя взгляд, я отодвинулась от Матвея. Мне стало стыдно за свой искренний порыв. Придав голосу твердость, я повторила свое соображение относительно сбоя в схеме. В глазах Матвея мелькнуло недоумение, он решил, что ошибся на мой счет.

Он снова залез по стремянке к потолку, где соединялись в узел провода, и перекинул контакты. Цепь заработала. Моя догадка оказалась правильной.

– А вы говорите, что губернатор – не женская работа!– Между нами вновь установилась безопасная дистанция, и я смогла выразить торжество в своей технической правоте. – Женщины могут все!

– Не всякая женщина, – продолжал он отстаивать свое мнение. – Вообще-то я и сам бы справился, но решил вас испытать. Я не слишком доверяю женским дипломам.

Я сделала вид, что поверила.

– Конечно, Матвей, вы бы разобрались в этой схеме. Если бы захотели. Пойдемте попьем чаю у меня в кабинете.

– С удовольствием.

Но едва мы приблизились к кабинету, как собственной персоной в зале возник Толик Коровец:

– Матвей, долго вы будете здесь возиться?! Сейчас же спускайтесь на первый этаж, у меня для вас срочная работа!

Матвей виновато развел руками и, забрав инструменты, покинул галерею.

Я вышла на веранду и плюхнулась на тюфячок, привезенный Ренатой из своей загородной мастерской. Что произошло со мной несколько минут назад? Почему запульсировала кровь в висках? Отчего перебоями зашлось сердце? И что отпугнуло меня? Я уткнулась лицом в ладони, пытаясь отгородиться от этих вопросов.

Затем подошла к мольберту (его притащил в мастерскую друг Ренаты, вдохновленный видом из окон), прикрепила чистый лист бумаги и задумалась. Хотя я давно смирилась с тем, что настоящий художник из меня не получится, творчество давало выход моему беспокойству. Разводы водянистой акварели ложились на лист полупрозрачными слоями и целебным бальзамом изливались на душу. Полукруглая арка «Новой Голландии» над каналом позировала мне.

Глава 4

Торжественное открытие галереи наметили на первое сентября. Уже все было вымыто и вычищено после ремонта. Оставалось украсить интерьер. Серьезную экспозицию мы собирались сделать позднее, а пока отдельными штрихами попытались скрыть пустоту зала. Бывший любовник Ренаты, а сейчас просто друг Филипп Шиманский вывесил несколько эскизов, выполненных в карандаше. Дома и каналы на этих набросках выглядели странно вывернутыми и перекрученными, но Петербург был узнаваем.

По углам мы расставили простые ящики, обив их фольгой, – подставки для работ Ренаты из корней дерева и другого подручного материала. На первый взгляд участие художника в них незаметно, кажется, что постаралась сама природа. На самом деле только чуткий слух творца позволяет услышать голос Буратино в полене. Особенно забавен сидящий на задних лапах волчонок, извлеченный Ренатой из обычной суповой кости. Кость была тщательно проварена в соде и отливала приятной желтизной, будто слоновая. Помимо очаровательных фигурок были здесь и спорные работы: стилизованные руки, уши, носы, позвоночники. Ценители авангарда отзывались о них с восторгом, но я не могла постигнуть смысла.

Завершая оформление и придавая залу нарядный вид, с потолка свисали гроздья надувных шаров. Служебные комнаты мы отделать не успели, только навели там приемлемую чистоту.

Первый блин всегда комом. Общество собралось разношерстное, так что сборище протекало сумбурно. Сбились в кучку бородачи-художники, приглашенные Ренатой. По-хозяйски непринужденно держались крепкого вида молодые бизнесмены – партнеры Дениса по бизнесу. Пренебрежительно фланировали по залу приглашенные на открытие галереи соседи-нормалисты. Толик Коровец, Матвей и старик вахтер из их шараги были одеты в одинаковые, нескладно сидящие на них костюмы, как всегда, при галстуках с нарисованными самоварчиками. Изредка руководитель нормалистов высказывал скептические замечания о выставке, вахтер угодливо кивал, а Матвей невозмутимо пускал кольца табачного дыма. Я чувствовала себя чужой на собственном празднике.

Мое настроение мгновенно улучшилось, когда среди гостей появились мои старые друзья. Семья Святенко пришла в полном составе: мой брат Шурик, Татьяна и их сын-школьник. Приехал и Игорь, причем без Вероники, хотя я приглашала их вдвоем. Мои отношения с Вероникой в корне отличались от тех, что были когда-то с Ольгой. С первой женой Игоря, Ольгой, мы стали заклятыми врагами, а с третьей, Вероникой, – подругами. Те, кто знал о перипетиях моей жизни, удивлялись, как интеллигентно в свое время мы выстроили наш быт и отношения. У нас было нечто вроде шведской семьи – мы жили втроем. Правда, спальня у меня имела своя, а у Игоря с Вероникой другая, но обедали мы за общим столом. Другое дело, что такая жизнь стала для меня скоро невыносимой, ведь тогда я еще любила Игоря.

Как бы то ни было, теперь я бы с удовольствием встретилась с Вероникой, пообщалась. Однако Вероника прийти не смогла. Накануне заболел малыш, и она осталась дома.

Гостям предложили фуршет. Всю еду выставили в зале на большом круглом столе, выдвинутом из читалки. Официанты, приглашенные для обслуживания вечера, едва успевали метать на стол тарелки с бутербродами (икра, семга, колбаса, сыр) и уносить пустую посуду. Напитки гости наливали себе сами в баре, устроенном на пока еще пустующем прилавке для продажи мобильных телефонов. Разнообразие горячительного было потрясающим, и молодежь налегала на спиртное. Но в нашей компании – все мы давно вышли из юношеского возраста – пили мало. Брат Шурик после женитьбы на Татьяне как-то естественно отошел от былого увлечения, мы с Татьяной тоже равнодушны к спиртному. Мы уединились втроем в читалке (стеллажи для

книг еще пустовали) – кельнер привез нам на сервировочном столике всего понемногу, а также кофе и пирожные.

Говорили о жизни. Абсолютно польсевший Шурик был полон энтузиазма и фонтанировал идеями. Предлагал создать аппаратуру для художественных голограмм. Я заметила, что видеоарт популярнее. Шурик подхватил новую тему, но Татьяна перебила мужа, мол, пора опуститься на землю, подумать о внедрении их аппаратов. Шурик сник, буркнул, что она льет воду на мельницу Дениса, нового начальничка и наследника Игоря. А Денис – экономист, у него все переведено на рубли. Мне стало жаль брата: я так соскучилась по его фантазиям! Попыталась перевести беседу на другие рельсы.

Затем Татьяна высыпала свои жалобы на Веронику, свою непосредственную начальницу – Вероника заправляла медициной в фирме. Мол, требует полного подчинения – никакой самостоятельности, лишь продемонстрировать прибор клиенту, рассказать о его преимуществах. Но Татьяна верила во что угодно, только не в медицину. И вопреки запрету Вероники продолжала корректировать энергетику больных, сводить порчу, снимать заклятия. Вот и сейчас она со страстью внушала мне:

– Любая болезнь – это что? Отзвуки кармических нарывов!

– Нарывов?

– Узлов, нерешенных проблем, назови как хочешь. Никакие врачи с ними не совладают.

– Зачем же ты водила Пашку к врачам, когда он по ночам мочился? – напомнил Татьяне супруг.

– Ну да. Ребенок страдал энурезом, и я показала его медикам. Но прежде я вскрыла кармический нарыв, унаследованный Павликом от деда. Ваш с Леночкой покойный отец был причиной болезни ребенка.

– И чем же виноват наш отец? – обиделся Шурик.

– И ты еще спрашиваешь? Жил с твоей матерью, от другой женщины нажил дочку, нашу Леночку. С него как с гуся вода, а Павлик страдает.

– Любопытно! – Я придвинулась к Татьяне. – А мои беды тоже от отца? Или грехи матери отозвались?

Татьяна не успела выдать новую версию – в комнату ввалился Игорь:

– Вот вы где спрятались! О каких грехах речь?

– Мы говорим о причинно-следственных связях, называемых в народе кармой, – отпартовал Шурик.

– Да, – кивнула Татьяна, – все делается по высшему закону. Все люди одной веревочкой связаны. Взять хоть эту галерею. Думаешь, Лена, все так просто? Захотела и устроила ее по своему хотению?

– Разумеется, нет. Только благодаря деньгам Олега Нечаева...

– А он откуда их взял? Раскручивал бразильские сериалы на телевидении и попутно лепил их книжных двойников. То есть брал у народа деньги, на культуру предназначенные. В общем, круговорот денег в природе. Только та культура была низкопробная, а эта галерея людей с настоящим искусством знакомит.

Шурик первый не выдержал сумбурной лекции жены, встал и вышел из комнаты. Но тотчас вернулся с новой бутылкой шампанского:

– Лучше выпейте, не спорьте из-за ерунды.

Мы взяли бокалы, пока играющие пузырьки окончательно не растаяли в шипучем напитке. Игорь включился в разговор:

– Все эти рассуждения о карме ерунда. Проблемы надо решать, а хорошим обстоятельствам радоваться.

– Как, Игорь, тебе галерея?

– Славненько получилось. Ты, Елка, хорошим организатором оказалась.

– Это не я. Спасибо молодым, Гальчику с Денисом. Кстати, ты в курсе их отношений?

– Да, и вполне одобряю. Гальчик – милая девчушка, и деловая в то же время. Буду рад, если она станет женой Дениса. А как моя протеже Рената?

– Кто-то меня звал? – В дверях читалки появилась Рената.

Сегодня Рената выглядела обворожительно. В коротком, воздушном, как у балерины, розовом платье. Вокруг шеи Ренаты вздымался вверх и топорщился лепестками затейливый воротник. Лепестки скрадывали довольно глубокое декольте, но привлекали всеобщее внимание. Попутно отвлекали внимание от неподвижного правого глаза художницы. Я не знала, то ли платье – дань моде, то ли – фантазиям художницы. Тщательно уложенные волосы Ренаты тонули в этом стилизованном цветке.

– Входи, входи, Ренаточка – воскликнул. Игорь. – Я только что говорил, какая получилась отличная галерея. И ты сегодня – краса лица, и твои картины на стенах великолепны.

– Это картины Филиппа Шиманского. А вот фигурки из корней дерева – моих рук дело!

– Фигурки – чудо! И реалистичны, и фантастичны одновременно. Как этот стиль называется?

Разве в стилях дело, Игорь Дмитриевич? Вам нравится, и это главное. И спасибо вам, что пригласили меня работать в галерею. И Лене большое спасибо.

– Благодарить меня не за что, Ренаточка. Ты сама – подарок для галереи. Я рад, что вы с Леночкой нашли общий язык.

– Игорь Дмитриевич, пригласите меня танцевать!

– С удовольствием, Ренаточка. Только тебе придется меня учить, я эти современные танцы совсем не знаю. – И, обернувшись ко мне, добавил: – А ты, Елка, готовься к выходу, следующий танец танцуем с тобой. Потопчемся по старинке.

Дверь читалки осталась открытой, и я с улыбкой наблюдала, как Игорь тщательно подделывается под новомодные скачки Ренаты. От старания даже растрепалась его седая шевелюра, а одна прядь встала торчком, как ухо карнавального зайца. Отбыв номер с Ренатой, он вернулся в читалку. Когда заиграла более спокойная музыка, пригласил меня.

С Игорем я танцевала, прикрыв глаза, бездумно наслаждаясь забытым запахом когда-то любимого мужчины. И музыка была под стать. Человек в уголке, заправлявший музыкальными колонками, явно принадлежал нашему поколению. Звучали мелодии давней давности. Игорь, прислушиваясь к музыке, заметил:

– Любопытно, как в жизни все по кругу идет. Сейчас в моде ретро. Сделают аранжировку старой мелодии и снова подадут к столу, точнее, к нашим ушам. Звучит недурно.

– Вот как? – удивилась я. – А мне казалось, это старую музыку гоняют.

– Старую музыку не очень-то погоняешь. Она на пластинках записана, а эта на лазерном диске.

Я, разумеется, знала, что сейчас в ходу лазерные проигрыватели, но все эти нюансы про аранжировки для меня стали откровением.

– А ты не отстаешь от музыкальных новинок! – заметила я.

– Просто это рядом с моими профессиональными интересами: электроника, мобильники, мелодичные звоночки.

– Тогда понятно.

Отличие новых записей от прежних все же имелось. Хотя диск крутился едва ли не полчаса и песни звучали разные, но запись казалась одним нескончаемым попури, фоном которого шел бодрящий ритм. Да песни были те же, да не те.

– Елка, сегодня ты напоминаешь царицу Клеопатру. Золотой ободок тебе идет еще больше, чем серебряный. Придает чертовскую сексуальность. Признайся, притворщица, что необходимость в нем – отговорка! К тому же я и на шее других женщин вижу подобные ожерелья. Не удивлюсь, если именно ты породила эту моду.

– Ты прав, как всегда, Игорь.

– Нет, действительно. Я чувствую себя рядом с тобой помолодевшим, а с Ренаточкой – стариком. Обычно бывает наоборот. Молодые женщины воодушевляют мужчин, а ровесницы расстраивают.

– Ты моложе меня на...

– Ладно, не будем препираться, Елка. Давай на один вечер представим, что все у нас с тобой еще впереди. Так же интересней, не правда ли?

Как бы мне хотелось вернуть это чувство радостного предвосхищения! Увы, я топталась здесь и сейчас. Я рассеянно обводила взглядом галерею. В какой-то момент в поле моего зрения попал Матвей. Оказывается, именно он возился у колонок проигрывателя. Что за тип! Даже в суе праздника держится особняком. Вспомнились старые фильмы, где подростки, не умеющие танцевать, крутили ручку патефона. На секунду мне стало жаль неприкаянного Матвея. Зато его шеф, предводитель нормалистов Толик Коровец, не терялся. Он увел Гальчика у Дениса и сейчас лихо вертел ее, придерживая за талию, в изысканных па. Обычно так танцуют те, кто окончил школу балльных танцев. Неужели такие еще существуют? Его обычно хмурое лицо сейчас оживилось и стало обычной румяной физиономией подвыпившего молодого человека. Гальчик тоже была оживленна, однако вид ее вызывал улыбку. Длинное, до пят, платье, в которое она облачилась, сменив привычные джинсы, путалось у нее под ногами. Тем не менее струящийся с плеч до пола фиолетовый шелк придавал ей женственности. Было заметно, что искусному в танцах партнеру приятно кружить девушку. Однако Денис ревниво наблюдал за своей собственностью, коею считал Гальчика. Уже на следующий танец он вернул ее в свои объятия.

Снова заиграла быстрая музыка, и мы с Игорем вышли на улицу передохнуть и подышать свежим воздухом. Чуть позади нас остановился крепкий мужик – охранник Игоря. Но он деликатно не мешал нам. Игорь был в одной рубашке, я в легком платье, но возвращаться за плащами-куртками нам не захотелось. Нам было жарко от шампанского и танцев, да и погода в этот сентябрьский вечер стояла по-летнему мягкая. Мы прошли немного и остановились под навесом у композиции «Стулья». Заметили, насколько эффектнее она смотрится здесь, чем в мастерской Ренаты, на чердаке ее дома. Несмотря на восьмой час вечера, сумерки едва ощущались. Однако кустарник по периметру сквера уже терял четкость очертаний и превращался в темный вал.

Вдруг скверик озарился ярким светом фар. У ворот затормозило такси. Подъехать ближе автомобиль не мог, поскольку все места у входа в особнячок были заставлены машинами гостей. Кого еще принесло? Я сделала пару шагов навстречу вновь приехавшим, но, едва дверца машины раскрылась, инстинктивно дернулась назад. При этом схватила Игоря за рукав рубашки и потянула его за собой.

– Что случилось? – шепотом спросил он, когда я испуганно замерла, прячась за композицией «Стулья».

В следующую минуту ему все стало ясно без слов. Из такси с усилием выкарабкалась его первая жена Ольга, чьей соперницей я когда-то была. Сейчас мне нечего было бояться. Она давно не жена Игорю, и я не его любовница, а просто друг. Но какова память тела? Когда-то Ольга застала нас с Игорем в очень щекотливой ситуации. Скандал, учиненный ею, был грандиознее, чем извержение вулкана. И переживание это запечатлелось во мне. Не в памяти, а в нервных волокнах. Я презирала себя за трусость. Я – свободная женщина, уважаемая всеми хозяйка галереи. Я должна сегодня встретиться с Ольгой лицом к лицу. Сегодня, спустя почти десятилетие после той, роковой встречи. Я взяла себя в руки и предложила Игорю вернуться в галерею. Однако мы оба медлили.

Тем временем Ольга прошествовала мимо «Стульев» к входу, что-то убедительно сказала охраннику, властно отодвинула его рукой с дороги и стала подниматься по лестнице на второй

этаж. Я двинулась следом. Ольга за эти годы еще прибавила в весе и преодолевала высокие ступени с трудом. Я стояла внизу и смотрела, как она, с тяжелой одышкой, ползет вверх. Потом вспомнила об Игоре, оглянулась и поняла, что он позорно бежал. А я-то думала, только у меня слабые нервишки. Игорь, выходит, тоже не герой. Он резво сел в свою машину, следом сиганул охранник, и спустя минуту автомобиль с легким рыком дернулся с места.

Немного выждав, я тихо поднялась наверх и встала за спинами гостей, которые сейчас выстроились кругом. В центре его находились Ольга, а чуть поодаль ее сын Денис и Гальчик. Ольга всегда умела привлекать к себе внимание. Вот и сейчас эта немолодая полная дама в длинном полосатом палантине, призванном скрыть ее полноту, держала речь. Она громким, хорошо поставленным голосом хвалила галерею, ее устроителей и тут же перечисляла достоинства своего сына и его девушки, вложивших свой талант и силы в организацию такого хорошего дела. Денис, скрывая досаду, вежливо улыбался. Гальчик явно недоумевала.

– Зачем ты ее пригласил? – услышала я шепот Гальчика.

– Да не приглашал я ее, – едва слышно пробубнил Денис. – Я просто случайно проговорился, что у нас сегодня открытие галереи.

– А как она адрес узнала?

– Может, с рекламки наших пунктов по мо-билам. Там все адреса указаны.

Затем он отошел от Гальчика и как можно дружелюбнее произнес:

– Ладно, мама. Закругляйся. Народ танцевать хочет. Пошли к столу, съешь что-нибудь.

– Спасибо, сынок. Я не голодна. А где представители дирекции? Отец? Он тоже здесь?

Больше скрываться за чужими спинами было неприлично. Я сделала шаг вперед и вошла в круг:

– Здравствуй, Ольга. Рада видеть тебя в нашей галерее.

Есть выражение «отвисла челюсть». Сейчас впервые я видела это явление на человеке. Ольга подалась назад, рот у нее раскрылся, и нижняя губа словно утонула в складках толстой шеи.

– Здравствуй, здравствуйте. А что... что ты здесь делаешь?

Зрители вокруг замерли. Окончившееся было представление, кажется, обещало продолжиться. Я обернулась в музыкальный уголок:

– Матвей Николаевич, продолжим танцы. Включите что-нибудь повеселее.

Матвей засуетился у проигрывателя, и тут же заиграла музыка.

– Пойдем, Ольга, побеседуем. Мы сто лет не встречались.

Остолбеневшая Ольга вновь ожила и, переваливаясь с ноги на ногу, как утка, засеменила рядом со мной. По пути я попросила официанта принести угощение в читалку, где мы в начале вечера так безмятежно болтали с друзьями. Когда мы с Ольгой присели в креслах, она пришла в себя окончательно. И тотчас, почти без разгона, набросилась на меня:

– Объясни, Елена, что все это значит? Ты опять вернулась к Игорю? А говорили, будто живешь за границей! Опять обман, кругом обман!

Официант между тем принес нам поднос с бутербродами и новой бутылкой шампанского, разлил нам с Ольгой по бокалам.

Я взяла свой бокал и произнесла тост:

– Предлагаю, Оля, выпить за новый этап нашей жизни. Теперь нам с тобой делить нечего. Мы обе немолодые одинокие женщины.

Однако успокоить Ольгу оказалось непросто. Она перебила меня:

– Нет. Ты скажи... По какому праву ты чувствуешь себя хозяйкой в этой галерее? Почему Игорь...

Гомерический хохот разразил меня. Я согнулась, обхватила голову руками и продолжала хохотать.

– Ты еще смеешь надо мною насмехаться. Нехорошо потешаться над больным человеком...

Я взяла себя в руки и прекратила смеяться.

– Оля, я и есть хозяйка галереи, а Игорь здесь совершенно ни при чем.

– Ты – хозяйка? Как? С каких пор? Почему Денис и Галя молчали? Я была уверена, что Игорь расширяет бизнес...

Я вкратце поведала старой сопернице свою историю, бегло обрисовала события последних лет.

– И ты не встречаешься больше с Игорем?

– Много воды утекло с тех пор, как мы с ним расстались. Ты, наверное, слышала о моей тяжелой болезни. Потом я уехала, лечилась, несколько лет была женой другого человека и, как я тебе сказала, сейчас – вдова.

– Вдова. Ну конечно, вдова! Тогда все понятно. Мне ли не знать его двуручническую натуру. А Вероника знает, что ты вдова?

Ольга вложила столько яда в это слово, что оно прозвучало в ее устах как «путана».

– Оля, не надо так нервничать. Выпей шампанского. Очень вкусный разлив, молдавский.

Ольга отпила шампанского, потом, достав из сумочки сигареты и зажигалку, прикурила. О! Что-то новенькое. Прежде вредные привычки за ней не водились. Сделав несколько затяжек и окутав себя клубами выпущенного легкими дыма, она слегка успокоилась.

– Лена, ты можешь мне поклясться, что между тобой и Игорем ничего сейчас нет?

Я не видела смысла в клятвах, мы же не дети. Но между мною и Игорем так давно все закончилось... Поэтому я сказала:

– Да. Памятью мамы.

Ольга издала протяжный стон облегчения. Мне даже стало жаль ее. Столько лет ненавидеть меня, ревновать, накручивать бог знает что... Сейчас она не знала, что и сказать:

– Признаюсь, Лена, честно. Для меня не важно, что сейчас Игорь с другой женщиной. Но твоего присутствия рядом с ним... еще раз я бы не пережила.

– Его и нет.

Вдруг Ольга, издав подобие боевого клича, выворотила себя из кресла и метнулась в угол. На крюке за шкафом висела забытая Игорем куртка-плащовка. В таких ходили многие мужчины, и опасения у меня не возникло. Но Ольга сорвала куртку с крючка и стала ощупывать петельную вешалку у ворота. Она побледнела так, что я испугалась. Десять лет назад Ольга потеряла сознание и перенесла гипертонический криз с госпитализацией. Но сейчас лишь опустилась в кресло и заплакала, приговаривая сквозь слезы:

– Так я и знала, так и знала... И еще клялась памятью матери, сволочь. На, смотри, – Ольга ткнула мне в лицо ворот куртки, но я ничего особенного не увидела, – эту вешалку я пришивала собственными руками! Ее ни с чем не спутаешь. Дениска купил куртку для себя, но она оказалась велика мальчику, и он подарил ее отцу. Говорил, что Игорю она пришлась впору.

Я молчала. После этого «вещдока» и тысяча заверений не смогли бы развеять подозрения Ольги в том, что Игорь и я любовники.

Внезапно Ольга перестала плакать. Не выпуская куртку из рук, она властно спросила:

– Где он?

Я поняла, что она имеет в виду Игоря.

– Не знаю.

Я допила шампанское и вышла из читалки. Ольга поплелась за мной, и вскоре я увидела ее о чем-то разговаривающей с Гальчиком. Тут же ко мне подскочили Татьяна и Шурик и выразили сочувствие по поводу явления Ольги. Я сказала, что на днях позвоню, а сейчас мне надо идти. Затем разыскала Ренату и попросила ее все закрыть и проверить после завершения

торжества. Также, учитывая позднее время, предложила переночевать у меня, а не тащиться к себе в Шувалове. Особенно если не будет провожатых. Я буду ждать ее.

Наконец, я покинула галерею, миновала сквер и вскоре была у себя дома. Какое счастье вновь ощутить покой! Нет, эти африканские страсти уже не для меня. Мне хватило их в свое время по горло. Но какова Ольга! Ничему ее жизнь не научила. Так люди и наживают себе болезни. Десять лет борется за своего Игоря. А я? Ведь моя боль была не меньше, чем ее. И любила я Игоря, смею думать, сильнее. Но отпустила его к Веронике. Если человека по-настоящему любишь, ты обязан его отпустить и не препятствовать его счастью.

Я включила чайник и налила себе чаю. Как хорошо и уютно в моей новой кухне! Неделью назад привезли сделанную на заказ мебель. Все шкафчики-столики теплые, солнечные, из натурального дерева. Постепенно праздничное настроение, разрушенное Ольгой, вернулось ко мне. Нет, я больше никому не позволю вторгаться в мою жизнь, ни с угрозами, ни с любовью. Я попила чай, потом посмотрела телевизионную программу по «Культуре» и стала раскладывать кровать, полагая, что Рената уже не придет. Стрелки часов перевалили за полночь. И тут раздался звонок. Я подошла к двери и посмотрела в глазок. На площадке маячили двое: Рената и Матвей. Я распахнула дверь.

– Вот, доставил вашу художницу, – придерживая под руку хмельную Ренату, доложил Матвей, – все равно по пути.

Он повернулся и пошел вниз, на свой этаж.

Я быстро разложила диван в гостиной – теперь у меня есть спальное место и для гостей – и уложила на него уставшую Ренату.

– Посиди со мной, Елена, – попросила Рената. Она была не так уж и пьяна, как мне показалось. – Я вымоталась, но уснуть сейчас не смогу, столько впечатлений... Если ты, конечно, тоже не хочешь спать.

Я присела у гостыи в ногах. Рената выдохнула:

– Какой сумбурный получился вечер из-за матери Дениса! Весь кайф людям испортила!

А я думала, это только для меня неприятность.

– Она долго там пробыла?

– После твоего ухода около часу. Но дала, что называется, всем прикурить.

– Скандалила?

– Не то слово. Все перевернула вверх дном. Даже прилавок для мобильников опрокинула, все Игоря искала. Кстати, как он удачно до ее появления удалился, будто предчувствовал!

Я не стала уточнять, что Игорь не просто удалился, а позорно сбежал, зная нрав своей бывшей жены. А Рената продолжала:

– Она его не нашла, но вытянула у Дениса признание, что отец здесь был. И еще кружила по залу, махала курткой. Зрелище еще то. Потом велела Денису отпереть веранду, влетела в мою мастерскую, там все перевернула вверх дном. И начала форменный допрос всех присутствующих, видели ли они Игоря и часто ли он вообще здесь бывает. Но Игоря, по сути, никто из присутствующих не знал. Так она Шурика принялась трясти. Оказывается, когда-то с ним в одном НИИ работала...

– Да мы все там работали.

– А бедный Шурик, кстати, интеллигентный у тебя братец, сам в галерее впервые оказался. Ничего про Игоря не слыхивал. В общем, всем досталось на орехи.

– Да, никогда не знаешь, с какой крышки камень свалится.

– Но больше всего досталось Гальчику.

– А девочке-то за что?

– Эта самая Ольга обвинила ее в сговоре с тобой. Сказала, что вы отняли у нее мужа, а теперь замахнулись на сына. Плела, одним словом, всякую чушь. А потом подошла и дала Гальчику пощечину.

– А Денис что же?

– А он сам мамочку боится. Ну а потом она уехала. Мы хотели как-то разрядить обстановку, устроили благотворительную лотерею, как собирались, с моими работами. И представь, мой волчонок Игорю достался!

– Как Игорю? Он же уехал!

– Ну да, я тоже так думала, когда жена его разыскивала, а он, оказывается, за фруктами ездил.

– У нас же их целая гора припасена.

– Не знаю, – растерялась Рената. – Он так сказал. Я думала, он за какими-то особенными фруктами уезжал.

Ай да Игорь, ай да фрукт! Даже легенду поумнее не мог выдумать. Хотя зачем напрягаться? Гости все под градусом, никто и не вникал, куда он уезжал, зачем...

– И он очень обрадовался выигрышу. Сказал, что ощущает родство с этим славным волчком. С одной стороны, вроде и хищник, а с другой – ребенок. Игорь Дмитриевич и сам какой-то необычный. В нем столько молодого задора! Не скажешь, что он в возрасте. Обидно, что я его ничуть не волную как девушка. Он только об искусстве се мной и говорил.

– Говорить он умеет! Но ты будь поосторожнее с ним, Ренаточка. Игорь Дмитриевич женат, у него маленький ребенок, и вообще, он в отцы тебе годится.

Нет, в отцы он мне не годится. Он всего на семнадцать лет меня старше, я подсчитала. Скажи правду: неужели, ты совсем его теперь спокойно воспринимаешь, как я своего Филиппа? Тот, признаться, мне действительно в отцы годился. Но мне нравятся мужчины постарше. Они такие умные, самостоятельные и заботливые...

Меня удивило, что талантливая, самостоятельная Рената искала, к кому бы прислониться, получить защиту. Потом я поняла, что именно таким людям особенно остро хочется чувствовать себя ребенком. Те, на кого давит жизнь и ответственность. Ведь с отцом Рената давно поменялась ролями. Он у нее беспомощен, как малый ребенок.

– Рената, у тебя отец давно в уме повредился? А когда ты лишилась мамы?

Рената перевернулась и бесхитростно прилегла головой на мои колени.

– Мама умерла, когда я родилась. Папа меня один воспитывал. Он тоже значительно старше мамы был и, когда ее не стало, больше не женился. Ну, временно у нас жили женщины, но, по правде говоря, я была несносным подростком, всех отваживала. За что Бог меня и наказал: и глаза лишил, и отца мне на руки переложил.

– Но ты должна быть благодарна отцу. Наверняка он был прежде здравомыслящим человеком. Несмотря на то что вы жили в пригороде, он сумел дать тебе возможность развить свой талант. Ты, наверное, и в художественной школе училась, раз в Мухинку сумела поступить? Он тебя сам туда отвозил?

Да, в художку меня записал отец, и за это я ему благодарна. Правда, возить меня ему не приходилось, мы тогда в центре Питера жили, в двух шагах от художественной школы. Вообще-то отец и Сам не без способностей, но разгильдяй был, сам признавался. Он даже среднюю школу не окончил, не то что институт. Он художник-самоучка, афиши в кинотеатрах малевал. Но пил запоями. Через это и все его болезни и преждевременное слабоумие. Нам и квартиру в городе пришлось продать, когда все эти передрыги в обществе начались. Он тогда оказался без работы, и заскоки у него уже начали появляться. А я только на третьем курсе Мухинки училась. Жаль было учебу бросать, с таким трудом поступила, конкурс – десять человек на место! В общем, переехали мы с ним в эту развалину, где сейчас живем, какие-никакие деньги выручили. В то время меня такой обмен мало колыхал. Студенты-художники дома и вообще

не живут. Все время в мастерских тусуются. Ну а закончили учебу, стали потихоньку в разные стороны разбредаться. У ребят семьи появились, кто-то в коммерческую работу стал вгрызаться, кто-то за границу уехал, а я вот теперь с полоумным отцом в старой хибаре мучаюсь.

Хотя глаза у меня закрывались от усталости, я не могла прервать Ренату. И через силу спросила:

– А кто тебе дал такое имя? Кажется, оно литовское?

– Литва здесь ни при чем. Отец увлекался творчеством Ренато Гуттузо и назвал меня в честь его.

– Моя свояченица Татьяна говорит, что особое имя особую судьбу влечет.

– Но твое имя, Елена, редким не назовешь, а сколько ты всего в своей жизни пережила.

Глупости все эти суеверия.

– Но иногда бывают совпадения.

– Разве что совпадения.

Наш разговор постепенно увядал, становясь все тише и невнятнее. Я почувствовала, как голова у Ренаты отяжелела, и поняла, что девушка заснула. Я осторожно встала, подложила ей под голову подушку и накрыла Ренату покрывалом. Потом на цыпочках ушла в свою комнату.

Глава 5

От брошенного в воду камня разбегаются круги. Так и скандальный визит Ольги не прошел бесследно. Правда, Игоря она преследовать не стала. У нее и прав не было наезжать на бывшего мужа, да и собственные интересы могли пострадать: благополучие Ольги во многом зависело от Дениса, работающего в акционерном обществе Игоря. А ну как бывший муженек на сынке отыграется? Я тоже была недосыгаема, не ходить же ей в галерею ежедневно? И думаю, по своим каналам она уже выяснила, что я на ее Игоря давно не претендую – у меня своя жизнь. Вспышку ярости на открытии галереи можно было оправдать только состоянием аффекта – встреча со мной оказалась для Ольги полной неожиданностью.

Меч Ольги оказался занесенным над Гальчиком. Ольга еще держала сына в своих руках и не могла позволить, чтобы тот женился на первой встречной. А она неглупа: поймав Гальчика на малом обмане, Ольга тотчас заподозрила ее в большем, хотя вина девушки состояла лишь в том, что та скрыла знакомство со мной. Спустя несколько дней Ольга затребовала у Гальчика адрес родителей, а у Дениса – денег на дорогу в Москву. Она решила непременно познакомиться с отцом и матерью девушки.

Из Москвы Ольга вернулась одна, пылая от гнева, и высказала Гальчику все, что о ней думает. Девушку назвала проходимкой, ее родителей забулдыгами и пьянчужками. Но здесь она явно преувеличивала. Квартира москвичей действительно оказалась заставлена пивной тарой, но пиво было выпито посторонними. Отец Гальчика собирал и сдавал бутылки, чтобы продержаться, пока не подыщет другую работу. А мать торговала мороженым на улице – эта деятельность у Ольги тоже восторга не вызвала. Не укрылась от ее взгляда и общая неряшливость в квартире. Ольга всегда отличалась большой аккуратностью и презирала женщин, не умеющих вести свой дом.

Но самое скверное – об этом Гальчик поведала со слезами на глазах – то, что раскрылась история всей жизни девушки. Родители бесхитростно рассказали Ольге, что их дочка окончила педучилище (а не институт, как утверждала Гальчик). Что она через службу знакомств отыскала себе жениха, старого фермера из Англии. И как потом сбежала от него.

Родители жалели дочь и полагали, что их рассказ вызовет сочувствие и у Ольги. Они боготворили меня за то, что я подобрала их дочь на улице и помогла выжить в чужой стране. Работа сиделкой у больной женщины не казалась им позорной. И они радовались, что дочка снова вернулась в Россию и имеет теперь хорошую работу. И снова желали мне здоровья.

Нет, такая невестка не нужна Ольге! Мать стала наседать на сына, чтобы он порвал отношения с двуличной самозванкой, как она теперь называла Гальчика. Дениса тоже поразило, что едва ли не вся биография девушки оказалась вымыслом. Еще совсем недавно рядом с ним находилась образованная, элегантная бизнес-леди, специалист по пиару, дочь коммерсантов. А что выяснилось? Вместо университета – за плечами какое-то училище, да еще полная сомнительных фактов личная жизнь: странный брак с фермером, скитания неизвестно с кем и где.

Денис знал, что Гальчик одно время работала у меня сиделкой, но не задумывался над тем, как она в этой роли оказалась. Он полагал, что, закончив учиться, девушка, как многие ее ровесницы, уехала в Англию посмотреть мир. Прежде работа по уходу за больной женщиной, то есть за мной, возвышала Гальчика в глазах Дениса. Она дополняла образ идеальной, самоотверженной возлюбленной, выстроенный им в своем воображении. Реальная история жизни девушки разрушила этот образ. Отношения Дениса и Гальчика оказались на грани разрыва.

Да и ко мне сын Игоря стал относиться суше, почти так, как в первые месяцы после развода его родителей.

Гальчик бесновалась. Ее мечта стать женой богатого, образованного человека из хорошей семьи срывалась в очередной раз. Увы, мне была отведена роль виновницы постигнувшего ее краха. Откровенный разговор случился у меня в квартире. Мы сидели на диване, и я, как могла, утешала девочку. Но мои слова лишь подливали масла в огонь.

– Ненавижу вас, ненавижу! Вначале вы превратили меня в служанку, а теперь сделали средством разборок с вашей Ольгой.

Гальчик все перевернула с ног на голову. Ольга использовала Гальчика в бессмысленной борьбе со мной. Мне обидно было выслушивать обвинения девушки в свой адрес. Я столько сделала для Гальчика, столько возилась с ней! Она пришла в наш дом в Лондоне с улицы, голодная и оборванная. У нее не было даже документов, дающих ей право жить в Англии. Олег тогда пустил в ход все связи, чтобы оформить девушку. Как надо, продлить визу для ее пребывания. Обвинять меня в эксплуатации у нее тоже права не было. Если девочка желала, она могла выходить в город, общаться с друзьями. А со временем, когда я оправилась после операции, надобность в ее услугах как сиделки отпала. Но Гальчик сама не хотела покидать наш дом и осталась в нем в качестве управляющей домашним хозяйством. Она, несмотря на молодость, оказалась умелой хозяйкой и неплохим организатором (под ее началом были также повариха и приходящая уборщица). Девушка поддержала меня, когда не стало Олега. Гальчик поехала не в Москву к родителям, а со мной в Питер – это был ее выбор. И теперь, в моей галерее, раскрылся ее талант как очень приличного менеджера. На зарплату, думаю, ей не приходится обижаться. Она всего лишь полгода живет в Питере, а уже купила комнату. Сейчас подкапливает на машину, но пока беспрепятственно пользуется моей. А в перспективе мы обе думали сменить жилье. В новых, элитных домах порядка больше. Внизу консьерж, на лестницах цветы. Все тихо, спокойно. И хотя мне претит классовое зазнайство некоторых обитателей таких домов, в конечном итоге я согласилась с предложением Гальчика. Мы уже заключили договор со строительной фирмой. Собирались жить с Гальчиком в одном доме, но в разных квартирах, разумеется.

Проглотив обидные слова в мой адрес, я погладила ее по коротким, ершистым волосам: – Успокойся, девочка моя. Все образуется. Денис вернется к тебе.

Но Гальчик рыдала все громче и громче.

Мы едва расслышали сквозь плач Гальчика слабенький звонок телефона. Я взяла трубку. Звонил наш сосед по офису, Толик Коровец. Он просил подойти меня или прислать Гальчика к нему в офис к шестнадцати часам (он так, по-военному точно, назвал время), чтобы окончательно решить вопрос о строительстве нашего общего гаража. В гараже нуждались обе организации, и потому в этом вопросе, как и с устройством охраны, мы были вынуждены взаимодействовать. Но нас разделяли существенные разногласия по попутным вопросам.

Места вокруг нашего двухэтажного домика было в обрез, а потому мы все еще не определились с размерами гаража, даже не заказали проект. Но резерв площади имелся – две скульптуры перед входом. Очевидно, какой-то из них придется пожертвовать. Но ни одна сторона не хотела уступать. Коровец не позволял трогать старомодную глыбу – мальчика и старика-производственника с молотком. Но этот монумент не представлял художественной ценности и в новых реалиях смотрелся фальшиво. С учетом того, что наша галереяставляла современные работы, – авангардное сооружение из стульев перед входом в галерею было куда уместнее. Однако еще до того, как возник вопрос с гаражом, нормалисты пошли в атаку на наши «Стулья». Их сторонники постоянно приклеивали к нашей композиции бумажки с непристойными

надписями, что особенно расстраивало Ренату. А самые экстремально настроенные личности даже грозились поджечь наше сооружение. Но привести угрозу в исполнение все же не решились, пока их предводитель не дал отмашку на исполнение. Коровец, однако, на такой самосуд над скульптурой не решался. Он помнил, кто хозяин в доме. Командир нормалистов балансировал на тонкой грани между хамством и мнимым подобострастием.

Да, композиция из стульев требовала осмысленного, подготовленного взгляда. Рената привела сравнение с классической музыкой, слушать которую тоже способны не все. Это сравнение выглядело комичным. Гармония звуков и дисгармония старых стульев – между ними, казалось, непреодолимая пропасть. Но Рената утверждала, что это, по сути, одно и то же. Мол, противоположности сходятся, и она постарается доказать это. Как?

Она обещала показать мне в ближайшее время проект новой скульптуры, который удовлетворит всех. И основная ее просьба лишь в том, чтобы отвоевать место на площадке перед домом: новому творению Ренаты требовалось единоличное пространство. Главная цель – настоять, чтобы убрали допотопную скульптуру нормалисты. Свои «Стулья» мы были готовы перенести в другое место, под крышу. Не полагаясь на свои бойцовские качества, я попросила в шестнадцать часов отправиться на переговоры Гальчика.

Гальчик перестала плакать и настроилась для исполнения нового задания. Мы обговорили основные позиции нашей стороны. Потом она сбегала в магазин за пирожными, и мы устроили с ней замечательный чайный пир. Наше примирение состоялось!

Моя старинная подруга Татьяна настояла-таки на своем мероприятии – посещении могилы Ксении. Выбрав один из погожих сентябрьских дней, мы отправились на кладбище. Время рабочее, так что посетителей в часовне у могилы немного – ни студентов, ни служащих. В большинстве своем старухи, на удивление похожие друг на друга, в тесноватых пальто четвертьвековой давности и однообразно скучных вязаных беретах. Потому-то мы с Татьяной сразу обратили внимание на элегантную пару: мужчину и женщину явно молодого возраста. Однако Татьяна тотчас начала отбивать поклоны перед иконой, неистово что-то шепча. Я же засмотрелась на пару. Женщина с непокрытой ярко-сиреневой головой, что при нахождении в часовенке считалось преступлением (даже я накинула на голову легкий шарфик), и очень эффектно одетая, задумчиво смотрела на горящую лампадку. Мужчина выглядел праздным зрителем. Неброского фасона пальто, ладно сидящее на нем, а главное, какой-то нездешний любознательный взгляд выдавали в нем чужестранца. Он крутил головой, разглядывая иконы, но женщина с сиреневыми волосами несмело, почти без размаха, перекрестилась, потупя взор. Возможно, она тоже впервые обращалась к блаженной Ксении. Затем женщина повернулась к выходу, и я узнала ее: Вероника! Да, нынешняя жена Игоря собственной персоной. Ее спутник был мне незнаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.